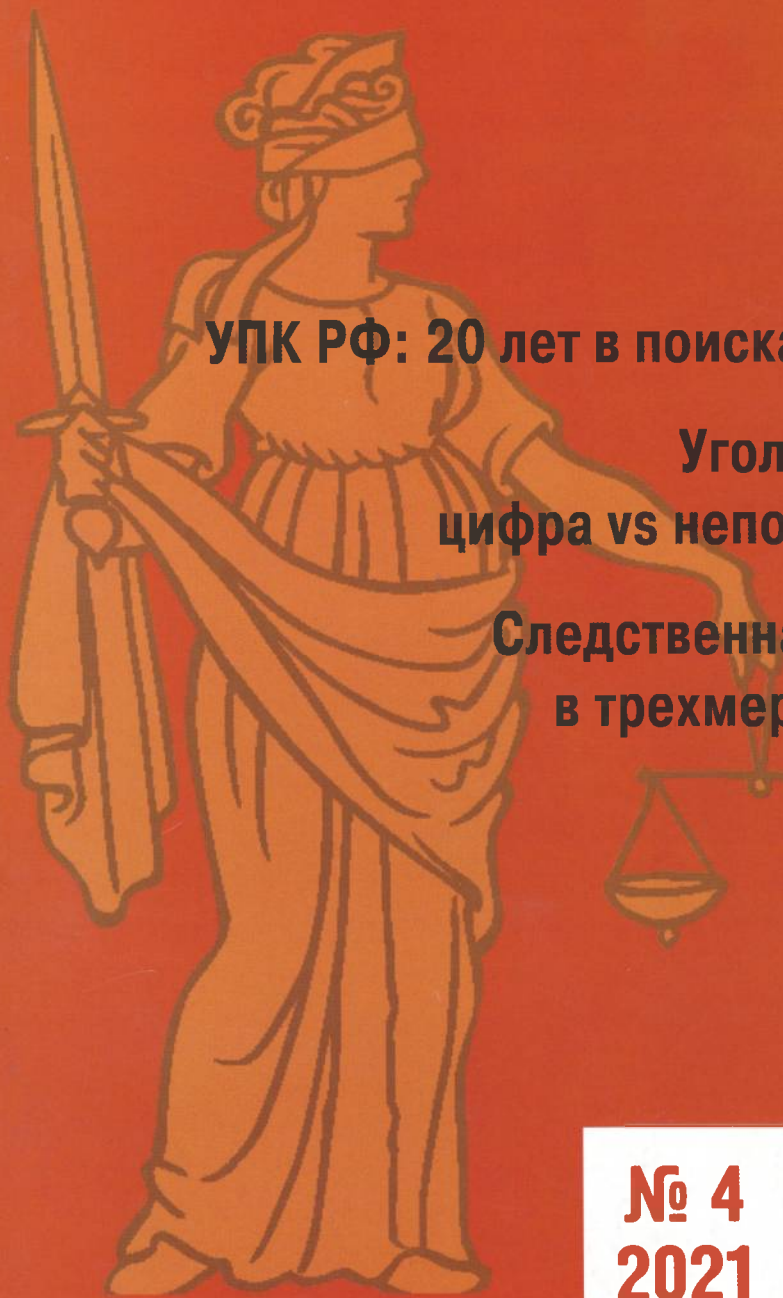

Уголовное судопроизводство

Тема номера:

УПК РФ: 20 лет в поисках компромисса

**Уголовный процесс:
цифра vs непосредственность**

**Следственная деятельность
в трехмерном измерении**

**№ 4
2021**

ISSN 2072-4411

9 772072 441777 >

юрист
издательская группа

Уголовное судопроизводство

№ 4/2021

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ
И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ

ЗАРЕГИСТРИРОВАНО ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБОЙ ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ
МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ — Рег. ПИ № ФС 77-29334 от 24 августа 2007 г.
Издается с 2005 г., 2 раза в полугодие

*Журнал рекомендован Высшей аттестационной
комиссией при Министерстве науки и высшего
образования Российской Федерации для публикации
основных результатов диссертаций на соискание
ученых степеней кандидата и доктора наук.*

Учредитель:
Издательская группа «ЮРИСТ»

Председатель редакционного совета:
Колоколов Н.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:
Азаров В.А., д.ю.н., профессор,
Александров А.И., д.ю.н., профессор,
Воскобитова Л.А., д.ю.н., профессор,
Гирько С.И., д.ю.н., профессор,
Головкин Л.В., д.ю.н., профессор,
Гуров А.И., д.ю.н., профессор,
Каплина О.В., д.ю.н., профессор (Украина),
Ковтун Н.Н., д.ю.н., профессор,
Лазарева В.А., д.ю.н., профессор,
Москалькова Т.Н., д.ю.н., д.ф.н., профессор,
Османов Т.С., к.ю.н.,
Поляков М.П., д.ю.н., профессор,
Попов И.А., д.ю.н., профессор,
Сальников В.П., д.ю.н., профессор,
Сурков К.В., д.ю.н.

Главный редактор
Издательской группы «Юрист»:
Гриб В.В., д.ю.н., профессор,
член-корреспондент РАО,
заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора
Издательской группы «Юрист»:
Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:
Швецкова О.А., к.ю.н.

Редакция: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.
Тел./факс редакции: (495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Адрес редакции / издателя:
115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7

Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 — многоканальный

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2
Тел. (4842) 70-03-37
Формат 170х252 мм.
Печать офсетная.
Физ. печ. л. 3,0. Усл. печ. л. 3,0.
Общий тираж 3000 экз.
ISSN 2072-4411
Цена свободная.

Подписка по России:
«Объединенный каталог.
Пресса России» — 88528

Номер подписан в печать: 29.10.2021.
Номер вышел в свет: 11.11.2021.

В НОМЕРЕ:

СТРАНИЧКИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Колоколов Н.А. Изучаем перспективы истребования
бездокументарных акций у «добросовестного»
приобретателя: к вопросу о преюдициальном значении
решений уголовных судов в гражданском
и арбитражном процессе2

К ЮБИЛЕЮ УПК РФ

Гаврилов Б.Я., Крымов В.А. Российский
уголовно-процессуальный закон:
20 лет в поисках компромисса9

УПК РФ: КРИТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Агеев А.Н. Цифровое прочтение принципа
непосредственности в уголовном судопроизводстве ...20

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Овчинников Ю.Г. Межведомственный нормативный
акт, регламентирующий порядок осуществления
контроля по исполнению домашнего ареста
и за соблюдением запретов при избрании запрета
определенных действий, залога или домашнего
ареста: сравнительно-правовой анализ26

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Финк Д.А. Участие заявителя в доказывании
(на примере уголовных правонарушений
против женщин)31

НАШИ РЕЦЕНЗИИ

Поляков М.П. «Следственная деятельность»
в трехмерном измерении: рецензия на одноименную
монографию в трех книгах под редакцией профессора
Н.А. Колоколова (М. : Юрлитформ, 2021)37

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного
разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.
Журнал включен в базу данных Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ).
Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Исучаем перспективы истребования бездокументарных акций у «добросовестного» приобретателя: к вопросу о преюдициальном значении решений уголовных судов в гражданском и арбитражном процессе

Колоколов Никита Александрович,
заведующий кафедрой организации судебной
и прокурорско-следственной деятельности
Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова
доктор юридических наук
nikita_kolokolov@mail.ru

Дуализм в правоприменении, наличие которого обусловлено практически автономным существованием подсистем общей и арбитражной юстиции, обуславливает возникновение разного рода коллизий. На конкретном примере предлагается проследить попытки участников процесса разрешить псевдопреюдициальные проблемы.

Ключевые слова: судебная система России, автономное существование подсистем общей и арбитражной юстиции, преюдиция, качество предварительного расследования.

Тысячу раз прав был живший в 1748–1832 гг. английский философ-моралист, социолог, правовед, родоначальник утилитаризма Джереми Бентам (Jeremy Bentham), когда на рубеже XVIII–XIX вв. он на основе личного практического опыта с уверенностью вынужден был констатировать: наличие сразу нескольких судов в одном и том же споре неизбежно явится причиной того, что одни и те же факты будут ими истолкованы по-разному (казус)¹. Существование в России двух практически независимых судебных подсистем, арбитражной юстиции и общей юрисдикции, — вечный источник споров о том, как следует толковать то или иное правовое явление.

Существование данной проблемы открыто признают юристы Франции, которые вот уже как полтора века наблюдают дуализм в ис-

толковании одних и тех же фактов судами общей юрисдикции и автономной системой административных судов. Теоретически «люди, обращающиеся к правосудию, должны иметь возможность легко и быстро определить компетентного судью для разрешения своего спора». В то же время, поскольку никто не отменял «бои судов за территорию», «чрезмерно широкое экспансионистское толкование норм Конституции Франции (ст. 66) судами общей юрисдикции» и прочих форм их «вопиющего произвола», в свое время был создан Трибунал по конфликтам, состоящий из равного числа членов Кассационного суда Франции и Государственного совета Франции. Считается, что данный орган должен свести «риск гражданина остаться совсем без правосудия» к минимуму².

¹ См. подр.: Бентам И. О судостроительстве / по фр. изд. Дюмона изл. А. Книрим. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1860. 222 с.

² См. подр.: Дубрэй Ш.-А. Судебная система через призму дуализма // Суд и государство / К. Беше-Головко, Д.В. Головко, Ш.-А. Дубрэй и др.; под ред. Л.В. Головко, Б. Матё. М.: Статут, 2018. С. 17–27.

В современном российском уголовном процессе минимизировать возможность «разницы» в подходах к толкованию фактов призвана ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). Согласно ст. 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) (в ред. от 28.11.2018 № 451-ФЗ), именуемой «Основания освобождения от доказывания»: 1) обстоятельства дела, признанные арбитражным судом общеизвестными, не нуждаются в доказывании; 2) обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица; 3) вступившее в законную силу решение суда общей юрисдикции по ранее рассмотренному гражданскому делу обязательно для арбитражного суда, рассматривающего дело, по вопросам об обстоятельствах, установленных решением суда общей юрисдикции и имеющих отношение к лицам, участвующим в деле; 4) вступившие в законную силу приговор суда по уголовному делу, иные постановления суда по этому делу обязательны для арбитражного суда по вопросам о том, имели ли место определенные действия и совершены ли они определенным лицом.

В то же время отечественный законодатель «не дорос» до создания обязательного для всех судов унифицированного межотраслевого регламента. Это позволяет конкурирующим судебным подсистемам время от времени делать вид, что о существовании друг друга они ничего не знают. Впрочем, есть Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», согласно которому все суды равны (теоретически), следовательно, игнорирование судами решений друг друга изначально незаконно³.

³ См. подр.: Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции : монография /

Особо следует отметить то обстоятельство, что база всех уголовно-процессуальных судебных решений — результаты следственной деятельности, акторы которой о преюдиции вообще и арбитражной преюдиции в частности практически ничего не знают. Проблемы, которые могут возникнуть при преюдициальном использовании результатов предварительного расследования, органы предварительного расследования и надзирающих за ними прокуроров интересуют весьма мало, ибо с них требуется не компенсация ущерба потерпевшим, а обвинительный приговор суда⁴.

Скажем главное, наличие в УПК РФ ст. 90 — это, за небольшим перечнем исключений, всего лишь повод к размышлению: что суду, рассматривающему конкретное дело, допустимо признавать априори установленным, а что ему придется перепроверять самому.

Теоретически (в УПК РФ об этом прямо не говорится) следователь должен установить истину по делу, выявив в том числе и обстоятельства, способствующие преступлению. Также теоретически это должен делать и суд, то есть установить истину, но уже в рамках предъявленного обвинения.

В рамках гражданского процесса (Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, АПК РФ) следователя нет, есть только суд, оценивающий доказательства, представляемые сторонами. В процессе уголовного судейский активизм, мягко говоря, не поощряется. В процессе гражданском на него (судейский активизм) и вовсе наложено табу⁵.

В.М. Баранов и др. ; под ред. Н.А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2012. 496 с.

⁴ См., напр.: Колоколов Н.А. Гражданский иск в уголовном деле — «лед» и «пламень» в одном флаконе // Мировой судья. 2021. № 5. С. 9–15.

⁵ См., напр.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 июля 2021 г. № 39-КГ21-6-К1 № 2-30/2020, вынесенное по гражданскому делу по иску Водопьяновой Л.А. и Водопьяновой А.А. к Гаджиеву о взыскании удержанных средств, полученных по сделке купли-продажи земельного

Теперь на конкретном примере проанализируем, как участники процесса, базирясь только на ст. 90 УПК РФ, попытались разрешить гражданский спор, и попробуем разобраться, в чем порочность данного метода.

Депозитарная деятельность

Согласно Федеральному закону от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее — Закон № 39-ФЗ) депозитарной деятельностью признается оказание услуг по учету и переходу прав на бездокументарные ценные бумаги (ч. 1 ст. 7 Закона). Профессиональный участник рынка ценных бумаг, осуществляющий депозитарную деятельность, именуется депозитарием. Депозитарий, осуществляющий расчеты по результатам сделок, совершенных на торгах организаторов торговли по соглашению с такими организаторами торговли и (или) с клиринговыми организациями, осуществляющими клиринг обязательств по таким сделкам, именуется расчетным депозитарием (ч. 2 ст. 7 Закона № 39-ФЗ).

Лицо, пользующееся услугами депозитария по учету прав на ценные бумаги, именуется депонентом. Договор между депозитарием и депонентом об оказании услуг по учету прав на ценные бумаги именуется депозитарным договором (договором о счете депо). Депозитарный договор должен быть заключен в письменной форме. Депозитарий обязан утвердить условия осуществления им депозитарной деятельности, являющиеся неотъемлемой частью депозитарного договора (ч. 3 ст. 7 Закона № 39-ФЗ).

По общему правилу депозитарий не вправе совершать операции с ценными бума-

гами депонента иначе как по поручению депонента (ч. 5 ст. 7 Закона № 39-ФЗ).

На ценные бумаги депонентов не может быть обращено взыскание по обязательствам депозитария (ч. 6 ст. 7 Закона № 39-ФЗ).

Депозитарий несет ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей по учету прав на ценные бумаги, в том числе за полноту и правильность записей по счетам депо, а также за сохранность находящихся у него на хранении обездвиженных документарных ценных бумаг (ч. 8 ст. 7 Закона № 39-ФЗ).

Депозитарий, осуществляющий учет прав на ценные бумаги, обязан оказывать депоненту услуги, связанные с получением доходов в денежной форме по таким ценным бумагам и иных причитающихся владельцам таких ценных бумаг денежных выплат (ч. 11 ст. 7 Закона № 39-ФЗ).

Депозитарий-растратчик

ООО «ИК „ТКС“»⁶ в лице его генерального директора К., согласно уставу, осуществляло депозитарную деятельность. Последний из корыстных побуждений похитил акции депонентов Р, Д-х и В. (по уголовному делу потерпевшие и гражданские истцы). С этой целью в период с 30 апреля 2013 г. по 25 сентября 2014 г. К., обладая опытом работы на рынке ценных бумаг, совершил ряд незаконных сделок по отчуждению вверенных ему бездокументарных именных акций указанных лиц, «распродав» их другим депозитариям.

В ходе предварительного расследования акции потерпевших, обнаруженные у других депозитариев, были признаны вещественными доказательствами, на них даже был наложен арест.

По приговору Пресненского районного суда г. Москвы от 22 декабря 2015 г. К. осужден по ч. 4 ст. 160 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) к пяти годам лишения свободы.

⁶ Названия юридических лиц изменены.

участка, процентов за пользование чужими денежными средствами. В данном документе Высшая судебная инстанция прямо требует от сторон доказательств. См.: URL: <https://gkrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoikollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogosuda-rossiiskoi-federatsii-ot-13072021-n-39-kg21-6-k1-2-302020/>

За гражданскими истцами признано право на удовлетворение заявленных ими исков к К. и принято решение о передаче вопроса о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

Также в приговоре было указано: «Учитывая, что судом заявленные гражданские иски переданы на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства, вопрос о снятии ареста с имущества в целях обеспечения гражданских исков суд оставляет без рассмотрения».

Апелляционным определением Московского городского суда от 3 марта 2016 г. в отношении К. в части, касающейся вещественных доказательств, приговор был отменен, уголовное дело в этой части было направлено на новое судебное рассмотрение в тот же суд в порядке ст. 397 УПК РФ.

Владелец акций В. принял решение: обогнуть естественный ход событий, поэтому с иском об истребовании своего имущества, а равно причитающихся доходов, обратился к новому депозитарию — компании «Эн».

Решением Арбитражного суда города Москвы от 27 апреля 2016 г. по делу № А40-125859/15-159-1016 в удовлетворении иска В. было отказано. Главный мотив отказа — акции у добросовестных приобретателей.

Данное решение оставлено в силе Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 21 сентября 2016 г. и Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 24 января 2017 г. Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ) от 29 мая 2017 г. № 305-ЭС17-5003 В. отказано в передаче кассационной жалобы по делу № А40-125859/15 для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ. Заместителем Председателя Верховного Суда РФ — председателем Судебной коллегии по экономическим спорам Свириденко О.М. жалоба В. на данное

определение рассмотрена, и письмом № 305-ЭС17-5003 от 4 октября 2017 г. в удовлетворении жалобы отказано.

В период с июля 2017 г. по декабрь 2020 г. в ходе рассмотрения судами различных инстанций в порядке уголовного судопроизводства ходатайств потерпевших, а также адвокатов, действующих в интересах «новых» депозитариев, по вопросам, которые согласно ст. 397 УПК РФ подлежат рассмотрению судом при исполнении приговора в отношении К. о снятии ареста на указанные выше обыкновенные именные бездокументарные акции ОАО «ФА», возник спор, состоялось несколько судебных решений, которые по-разному устанавливали судьбу вещественных доказательств — обыкновенных именных бездокументарных акций ОАО «ФА».

После этих решений Постановлением Пресненского районного суда от 31 июля 2020 г. в порядке ст. 397 УПК РФ (далеко не сразу) был уточнен Приговор Пресненского районного суда города Москвы от 22 декабря 2015 г. и снят арест и возвращены потерпевшему В. вещественные доказательства — 200 000 (по факту — 124 121) и 175 500 штук обыкновенных именных бездокументарных акций ОАО «ФА». Также принято в пользу потерпевших решение в отношении иных вещественных доказательств.

Апелляционным постановлением Московского городского суда от 14 сентября 2020 г. это постановление оставлено без изменения.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам КСОЮ № 2 от 23 декабря 2020 г. Постановление Пресненского районного суда г. Москвы и Апелляционное постановление Московского городского суда от отменены, материалы направлены на новое рассмотрение в Пресненский районный суд г. Москвы в ином составе со стадии судебного разбирательства.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 июля 2021 г. решение КСОЮ № 2 отмене-

но, материал возвращен на новое кассационное разбирательство. Круг замкнулся.

У участников процесса возник вопрос: имеет ли приговор Пресненского районного суда города Москвы в отношении К., вынесенный в особом порядке, преюдициальное значение и в какой части:

— для определения законного владельца вещественных доказательств — акций ПАО «ФА» в рамках ст. 81 УПК РФ;

— для разрешения вопроса о принадлежности акций ПАО «ФА» в рамках гражданского судопроизводства?

Наш анализ ситуации

Растрата (ст. 160 УК РФ) — разновидность хищения (умышленное противоправное перемещение имущества, находящегося в правомерном владении у собственника, куда-то «туда», где владелец имущества право собственности утрачивает). Мотив? По умолчанию — корысть.

Чтобы констатировать наличие состава преступления — «растрата», **достаточно** доказать, что по вине конкретного лица (К.) вверенное ему на законных основаниях имущество (в нашем случае акции) других лиц (законные владельцы) выбыло из массива собственности потерпевших (Р., Д-вы и В.). Все, преступление окончено, зачем следователю, а тем более суду, «копать» дальше». Неслучайно в приговоре указаны только время хищения акций (2013–2014 гг.) и вектор их движения — к «другим депозитариям».

Акции — не деньги, их еще надо уметь **пристроить**. Вот здесь-то и начинается самое интересное. Первый вопрос: почему именно акции ушли к «этим другим» депозитариям, а не кому-то еще? Вопрос второй: опять-таки проблема с мотивом. Из приговора следует и не оспаривается осужденным, что действовал он «с целью обогащения», однако, как, когда и в какой мере он смог реально лично обогатиться, в приговоре умалчивается.

Главное в этом самом интересном: юридические лица, «купившие» акции, заявляют,

что они персоны непорочные, товар приобрели легально на официальном рынке ценных бумаг и за деньги. Таким образом, из приговора явно не следует, что спорное имущество (акции) находится у депозитариев незаконно. Иными словами, оснований для изъятия акций у перечисленных в приговоре депозитариев только на основании ст. 90 УПК РФ не имеется.

Сторона обвинения версию, избранную осужденным и «добросовестными покупателями краденого», опровергать не спешила. Только лишь в 2020 г. «заговорили» о каком-то «пороке титула», 28 июля 2020 г. якобы даже возбуждено уголовное дело по ст. 175 УК РФ, опять-таки в отношении неизвестных. Судьба этого дела нам неизвестна, а перспектива его расследования более чем туманна. Профессор П.С. Яни в комментарии к ст. 160 УК РФ (отв. ред. В.М. Лебедев) покупателей, купивших заведомо похищенное у растратчика, относит к соучастникам, видимо, так на самом деле все и было⁷.

Формально осужденный (К.) признал и факт растраты, и гражданские иски, скрыв при явном попустительстве следствия и характер его отношений с «покупателями» акций, и информацию, что именно он в результате содеянного «поимел» сам-то.

Акции — вещественные доказательства? Могут ли бездокументарные правовые явления быть веществом? Серьезных суждений на этот счет мы пока не нашли. Вещественные доказательства по анализируемому делу, скорее всего, — только документы (как бумажные, так и электронные), в которых нашло отражение движение бездокументарных акций. В таких документах максимум, что мы можем найти, — информацию о векторе их движения, возможно, и о месте нахождения в какой-то конкретный период.

⁷ Комментарий к ст. 160 УК РФ // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации : в 4 т. / отв. ред. В.М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017. Т. 2. С. 228–231.

На текущий момент времени спорные акции находятся в законном владении (иное не доказано) у юридических лиц, законно купивших их на законно существующем рынке ценных бумаг.

Содержание ст. 149.3 Гражданского кодекса Российской Федерации весьма противоречиво: с одной стороны, защитим законного правообладателя; с другой — не смей трогать добросовестного приобретателя. Именно по этому, второму, традиционному пути и пошел Арбитражный суд г. Москвы в своем решении от 27 апреля 2016 г.: акции, возможно, бывшие когда-то в собственности у В. и др., сейчас находятся у новых добросовестных, ничем не опорооченных владельцев.

24 июля 2017 г. Драгомиловский районный суд в своем решении открытым текстом заявил потерпевшим: акции проданы добросовестным владельцам (иное не установлено), следовательно, все убытки получите у К.

Суд, постановивший приговор, пусть и не с первой попытки, 31 июля 2020 г., попытался разрешить судьбу вещественных доказательств — спорных акций. Данное судебное решение вступило в законную силу 14 сентября 2020 г. Насколько законны эти два документа, судить читателю. Мы же констатируем, что на момент подготовки статьи они не отменены.

Таким образом, на текущий момент времени мы имеем **неразрешенный спор о праве собственности на акции**, которые до совершения Киселевым преступления принадлежали В. и др. Согласно п. 6 ч. 3 ст. 81 УПК РФ такой спор разрешается **исключительно** в гражданском порядке.

Есть мнение (поскольку таковое официально не публиковалось, то фамилию профессора умалчиваем), что Постановление суда от 31 июля 2020 г. должно быть безальтернативно исполнено. При этом автор правовой позиции забывает, что п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ применим только в том случае, когда деньги и ценности изъяты у самого пре-

ступника, то есть спора о праве с другими, не вовлеченными в преступление лицами, нет. Представим себе, что спорное имущество вместо акций — безналичные деньги, законно полученные Сбербанком. Да, следовательно и суд проследили вектор движения растратченного преступником принадлежащего другой государственной корпорации капитала, который, например, после ряда законных банковских операций пошел на погашение чьей-то ипотеки. И что, Сбербанк эти деньги должен вернуть корпорации, которой растратой причинен ущерб? Очевидно, что нет, все вопросы к растратчику. Именно такое решение и принял Драгомиловский районный суд.

При таких обстоятельствах говорить о преюдициальном значении вступивших в законную силу приговора Пресненского районного суда от 22 декабря 2015 г. и его же Постановления от 31 июля 2020 г. бессмысленно, ибо они не опровергают факта добросовестности приобретения акций, принадлежавших когда-то В. и др.

Будет ли по анализируемому спору иметь преюдициальное значение приговор, постановленный в отношении гипотетических соучастников К., лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 175 УК РФ? Этот вопрос пока тоже не имеет однозначного ответа: неслучайно еще в Древнем Риме была придумана правовая конструкция «юридическое лицо» — преступления совершают лица физические, им и отвечать. Уголовная ответственность лиц юридических, например фирм, скупающих ворованные акции, в России не предусмотрена.

Каковы могут быть варианты существующего спора: 1) исполняется формально «незаконное» постановление от 31 июля 2020 г.; 2) это «незаконное» постановление отменяется. После чего заинтересованные лица исполняют закон — в гражданском порядке решают вопрос о принадлежности акций. Есть все основания утверждать, что В. и др. данный спор проиграют, ибо вопрос о незакон-

ности приобретения акций депозитариями следовало решать еще в 2013–2014 гг.

Проблема несогласованности судебных актов, принимаемых в рамках арбитражного и уголовного процесса, далеко не нова, и нами неоднократно освещалась⁸, дело в дру-

гом — в правильном и единообразном истолковании ст. 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства», первым пунктом которой значится «защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений».

⁸ См., напр.: Колоколов Н.А. Может ли арбитражный суд стать механизмом мошен-

ничества // Уголовный процесс. 2015. № 1. С. 39–43.

Литература

1. Бентам И. О судостроительстве / И. Бентам. По французскому изданию Дюмона изл. А. Книрим. Санкт-Петербург : Тип. Правительствующего сената, 1860. 222 с.
2. Дубрэй Ш.-А. Судебная система через призму дуализма / Ш.-А. Дубрэй // Суд и государство / К. Беше-Головко, Д.В. Головкин, Ш.-А. Дубрэй и др. ; под редакцией Л.В. Головкин, Б. Матьё. Москва : Статут, 2018. С. 17–27.
3. Колоколов Н.А. Гражданский иск в уголовном деле — «лед» и «пламень» в одном флаконе / Н.А. Колоколов // Мировой судья. 2021. № 5. С. 9–15.
4. Колоколов Н.А. Может ли арбитражный суд стать механизмом мошенничества / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. 2015. № 1. С. 39–43.
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. В 4 томах. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / ответственный редактор В.М. Лебедев. Москва : Юрайт, 2017. 371 с.
6. Суд и государство / К. Беше-Головкин, Д.В. Головкин, Ш.-А. Дубрэй [и др.] ; под редакцией Л.В. Головкин, Б. Матьё. Москва : Статут, 2018. 270 с.
7. Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции : монография / В.М. Баранов [и др.] ; под редакцией Н.А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2012. 496 с.

Почему важен DOI и как это влияет на качество научной информации и ее последующее цитирование?

DOI значительно облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации.

DOI повышает авторитет журнала, он свидетельствует о технологическом качестве издания.

DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

При цитировании статьи с DOI одним из журналов, входящих в Scopus, Web of Science или какую-либо другую престижную библиографическую базу, данные статьи и автора также заносятся в эти базы.

Все журналы, входящие в Scopus, Web of Science и Springer, в обязательном порядке присваивают своим статьям DOI.

Как ссылаться на статью с DOI?

Альханова Г.К. Построение «дома качества» для сливочного масла / Г.К. Альханова, Р.В. Залилов, Б.К. Асенова // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 7–1 (38). С. 6–10. DOI: 10.18454/IRJ.2015.0001

Как проверить DOI статьи?

DOI, присвоенный любой организацией, можно проверить непосредственно на сайте IDF DOI: <http://www.doi.org/>

Российский уголовно-процессуальный закон: 20 лет в поисках компромисса

Гаврилов Борис Яковлевич,
профессор кафедры управления органами расследования преступлений
Академии управления Министерства внутренних дел
Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики Академии ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор
profgavrilov@yandex.ru

Крымов Виталий Александрович,
ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра
Академии управления Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
кандидат юридических наук
krymov-19@mail.ru

В статье с позиции теоретических воззрений и правоприменительной практики предпринят анализ современного уголовно-процессуального законодательства, условий, в которых принимался Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и проходил его мониторинг, а также принимаемых государством мер по его совершенствованию. Авторами исследуются причины внесения в Кодекс изменений более чем 280 федеральными законами, в том числе по вопросам проверки сообщения о преступлении, процессуальных сроков, расследования в форме предварительного следствия и дознания, включая его сокращенную форму, и ряда других, дана оценка применения отдельных правовых норм и в целом уголовно-процессуальных институтов в современных реалиях взаимодействия общества и государства. На основе анализа статистических данных, отражающих показатели обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, мнения представителей научного сообщества и практикующих юристов, предпринята попытка сформулировать эволюционные векторы развития российского уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный закон, досудебное производство, возбуждение уголовного дела, участники уголовного судопроизводства, процессуальные сроки расследования, предъявление обвинения.

Современное состояние уголовно-процессуального законодательства авторами рассматривается с позиции как правоприменителей¹, так и представителей научно-

го сообщества, обращается особое внимание на то, что сегодня содержание многих правовых норм и в целом уголовно-процессуальных институтов является более чем дискуссионным. Внесение в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

¹ До 2007 г. Б.Я. Гаврилов занимал должность заместителя начальника Следственного комитета при Министерстве внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД России), с 1997 г. входил в состав рабочей группы при Комитете по законодательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее — Го-

сударственная Дума ФС РФ) по подготовке проекта и принятию УПК РФ, а также его мониторингу, а В.А. Крымов с 2014 по 2016 г. занимал должность следователя Следственного управления МВД России по г. Вологде.

(далее — УПК РФ, Кодекс) за 20 лет его действия изменений порядка 280 федеральными законами не может свидетельствовать об идеальном законе и, соответственно, влечет за собой критические высказывания ученых-процессуалистов и практикующих юристов в адрес Кодекса.

Так, профессор Л.В. Головкич, давая характеристику принятому в 2001 г. Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее — УПК РФ), отмечает, что он «не только не стабилизировал отечественный уголовный процесс постсоветского образца, но, скорее, его „размыл“ и дестабилизировал... Легко объяснить „эффект размывания“ неким „динамизмом“, который якобы присущ нашему времени... Такого рода дискурс, конечно, ожидаем, но от истины, увы, далек, как далеки от нее и сами претензии на какой-то особый динамизм нашего времени»². Однако с данным утверждением вряд ли можно согласиться, в том числе и по причине того, что к вопросам законодательской деятельности одному из авторов настоящей статьи приходилось обращаться еще в конце 80-х гг. прошлого века, когда процесс подготовки и принятия законопроектов «занимал годы». Но главная причина внесения в УПК РФ столь значительного количества изменений, во-первых, стремительное развитие в качестве реалий сегодняшнего дня правоотношений в сфере уголовного судопроизводства и, во-вторых, значительно возросшие потребности правоприменительной практики в части совершенствования процедур предварительного расследования и судебного разбирательства, аргументы чему приведены в содержании данной публикации. И отрицать эти и ряд других факторов вряд ли целесообразно.

² Головкич Л.В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания»? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 3–5.

Далее Л.В. Головкич отмечает, что всякая кодификация прекращает действие старого юридического порядка и дает рождение новому, которое связано с качеством самой уголовно-процессуальной кодификации, но последняя крайне эклектична и неудачно пытается копировать априори несочетаемые с российской системой права англо-американские подходы, которые стремятся представить уголовный процесс в виде рыночного «состязания» государства со своими гражданами³. Приведенный тезис, который, кстати, поддерживается рядом российских ученых, также представляется весьма неоднозначным. Как представляется, одна из причин подобных высказываний в том, что данная группа ученых не принимала непосредственного участия в подготовке УПК РФ, хотя действительно по предложению одного из членов рабочей группы в проект Кодекса и была включена норма, заимствованная из американского законодательства, о невозможности удовлетворения заявленного стороной защиты в ходе судебного разбирательства ходатайства о наличии у подсудимого алиби, если данное ходатайство не заявлялось на предварительном следствии, но и она вскоре была исключена (ч. 6 ст. 234 УПК РФ в ред. 2001 г.).

Вместе с тем 20 лет действия российского уголовно-процессуального закона позволяют утверждать, что его принятие обеспечило реализацию конституционных установлений в части построения в России правового государства, институты которого направлены на обеспечение прав и свобод человека и гражданина, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства в качестве участника уголовного процесса.

Однако идеального закона никогда не существовало и не может быть создано. В этой связи следует обратиться к словам профессора В.Т. Томина о том, что мир долгие эпохи мечтает о том, чтобы появилось «юридическое чудо — первый в мировой истории

³ Там же.

уголовный процесс, который бы не только декларировал, но и реально обеспечивал неотвратимость ответственности»⁴, что вряд ли когда будет достижимо.

Анализ изменений, которые претерпел УПК РФ с момента его принятия, позволяет утверждать, что основанием для многих из них была необходимость выполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ), Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), а также необходимость совершенствования правоприменительной практики. При этом следует согласиться с частью критических высказываний, поскольку некоторые из внесенных в УПК РФ изменений выражали популистский характер их авторов, представляющих в первую очередь органы законодательной власти, а отдельные из поправок, в том числе внесенных высшей судебной инстанцией страны, носили характер контрреформ в силу их противоречия ряду основополагающих положений принятого Кодекса, например, о порядке изложения доказательств в обвинительном заключении, о фактическом расширении положений института возвращения уголовного дела прокурору⁵, что в целом повлекло снижение эффективности работы органов предварительного расследования.

Анализ внесенных в УПК РФ поправок, особенно в первые годы его действия, позволяет утверждать, что одна из причин заключалась в компромиссных решениях законодателя в процессе принятия Кодекса в результате их прямого лоббирования со стороны отдельных правоохранительных органов, что Б.Я. Гаврилов имел возможность наблюдать лично, например, при обсуждении с Д.Н. Козаком процессуаль-

ных правил возбуждения уголовного дела. Или, например, к моменту рассмотрения в мае 2001 г. в Комитете по законодательству Государственной Думы ФС РФ вопроса о готовности к обсуждению на пленарном заседании Государственной Думы ФС РФ проекта УПК РФ во втором чтении из него была исключена норма, предусматривающая производство предварительного следствия единой федеральной службой расследования, согласие на что ранее давали руководители всех правоохранительных органов. При подготовке УПК РФ не были реализованы и предложения членов указанной рабочей группы в части дифференциации процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа, об изменении процессуальных правил начала расследования, о введении в досудебное производство такого участника уголовного процесса, как начальник подразделения дознания, и ряд других, а также имел место отказ от реализации предложенных еще в тот период времени мер по реформированию отдельных процессуальных институтов, что законодатель был вынужден реализовывать в последующие годы⁶.

Переходя к анализу конкретных факторов, непосредственно повлиявших на внесение в УПК РФ, как отмечено выше, изменений более чем 280 федеральными законами, авторы считают возможным указать, что наиболее существенные из них обусловлены компромиссом (*в его крайне негативном восприятии со стороны в первую очередь научной общественности*) между представителями правоохранительных органов и зако-

⁴ Томин В.Т. Уголовное судопроизводство: революция продолжается. Горький : ГВШ МВД СССР, 1989. 112 с.

⁵ Гаврилов Б.Я. Идеология формирования современного досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1. С. 22–28.

⁶ Гаврилов Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 4–14 ; Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 74–82.

нодателем, включая переходные положения, предусматривавшие сохранение за прокурором до 1 января 2004 г. права санкционирования следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, и заключения подозреваемых, обвиняемых под стражу⁷, а также предоставление Генеральному прокурору Российской Федерации (далее — Генеральный прокурор РФ) и его заместителям права на продление до одного года срока содержания под стражей лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, и Генеральному прокурору РФ такого права — до полутора лет в отношении обвиняемых в совершении особо тяжкого преступления⁸.

Принятие Федерального закона от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», содержащего указанные выше переходные положения, побудило Конституционный Суд РФ к вынесению Постановления от 14 марта 2002 г. № 6-П⁹ о признании не соответствующими Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) положений данного закона об отложении вступления в действие норм УПК РФ, предусматривающих реализацию с момента вступления Кодекса в действие положений ст. 21, 22, 23, 25 Конституции РФ о заключении подозреваемого, обвиняемого под стражу, об ограничении иных конституционных прав граждан по судебному реше-

нию, что потребовало от законодателя внесения в УПК РФ еще до вступления его в действие целого блока соответствующих изменений¹⁰.

В качестве другого фактора следует указать, что ряд внесенных в УПК РФ изменений были обусловлены решениями ЕСПЧ. Так, Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О компенсации за нарушение права на разумный срок судопроизводства или права на исполнение судебного акта в разумный срок“» в Кодекс включена норма-принцип — ст. 6¹ УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства»¹¹, чем реализованы решения ЕСПЧ по делам «Бурдов против Российской Федерации» и «Бурдов 2 против Российской Федерации». Говоря об обоснованности значительного количества внесенных в УПК РФ изменений, считаем необходимым указать, что только в одну данную норму (ст. 6¹ УПК РФ) были внесены изменения пятью федеральными законами с целью уточнения момента исчисления разумных сроков, что, по сути, объективно подтверждает наш тезис о реальности внесения в УПК РФ столь значительного количества поправок и действительную необходимость многих из них.

Считаем возможным обратить внимание и на то обстоятельство, что абсолютное большинство из внесенных в Кодекс поправок были обусловлены реалиями правоприменительной практики. Так:

⁷ Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 52 (часть 1). Ст. 4924.

⁸ Федеральный закон от 29 декабря 2001 г. № 183-ФЗ «О внесении изменения в статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // СЗ РФ. 2001. № 53. Ст. 5019.

⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 марта 2002 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С.С. Мартынова и С.В. Пустовалов» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Федеральный закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2027.

¹¹ Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О компенсации за нарушение права на разумный срок судопроизводства или права на исполнение судебного акта в разумный срок“» // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

• Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон „О прокуратуре Российской Федерации“»¹² следователи были выведены из состава прокуратуры с последующим образованием Следственного комитета Российской Федерации (далее — Следственный комитет РФ). Для реализации данных изменений указанным Законом руководителю следственного органа от прокурора были переданы полномочия по процессуальному руководству предварительным следствием с одновременным сохранением за прокурором надзорной функции за деятельностью следователей, о необходимости чего высказывалось как в научной среде, так и буквально накануне данной реформы непосредственно руководством Генеральной прокуратуры РФ, признававшим необходимость разграничения данных функций и предлагавшим это путем возложения указанных полномочий на двух заместителей Генерального прокурора РФ. Это потребовало бы реализации данного положения до районного уровня, что не представилось возможным и повлекло за собой отказ от данной идеи еще на уровне подготовки соответствующего приказа Генеральной прокуратуры РФ.

Этим же законом отменены полномочия прокурора по согласованию постановления следователя, дознавателя, иного должностного лица органа дознания о возбуждении уголовного дела, действие которого в течение 5 лет оказывало крайне негативное воздействие на своевременное начало предварительного расследования и ограничивало возможности по собиранию доказательств в целях раскрытия преступлений по горячим следам, а также изъято право прокуро-

ра на возбуждение уголовного дела, которое, как свидетельствует правоприменительная практика, он использовал в единичных случаях;

• Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹³ (далее — Закон № 23-ФЗ) по настоянию правоприменителя значительно был расширен перечень следственных и иных процессуальных действий, производство которых возможно в ходе проверки сообщения о преступлении (получение объяснения и образцов для сравнительного исследования, истребование предметов и документов, назначение и производство судебной экспертизы и ряд других), что предоставляет сегодня органам предварительного следствия и дознания возможность собирания доказательств до возбуждения уголовного дела. Указанным Федеральным законом в досудебное производство также введена сокращенная форма дознания, предусматривающая возможность расследования в более сжатые сроки и собирания доказательств в объеме, достаточном для осуществления судопроизводства по уголовному делу;

• Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹⁴ в качестве участника уголовного процесса в УПК РФ был введен начальник подразделения дознания, а в последующем и начальник органа дознания. В Кодекс также введен институт досудебного соглашения о сотрудничестве и внесены ряд других изменений.

¹² Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон „О прокуратуре Российской Федерации“» // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 28–30.

¹³ Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

¹⁴ Федеральный закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2833.

Претерпело существенные изменения и судебное производство: с 1 января 2013 г. апелляционный порядок пересмотра приговоров был распространен и на федеральные суды, с 1 июня 2018 г. подсудность суда присяжных распространена на федеральные суды районного, городского уровня, с 1 октября 2019 г. в судебную систему включены пять апелляционных и девять кассационных судов, что имеет своей целью повышение уровня обеспечения прав и законных интересов участников производства по уголовному делу.

Вместе с тем при построении модели современного УПК РФ представителям научной общественности и правоприменителям и, соответственно, законодателю не удалось преодолеть сложившиеся еще в рамках действия УПК РСФСР заформализованность и бюрократизированность российского уголовно-процессуального закона, прямым следствием чего является низкая эффективность досудебного производства, вывод о чем авторами сделан на том основании, что количество направленных, например, следователями органов внутренних дел в суд уголовных дел из числа возбужденных сократилось более чем на треть (с 36% в 1991 г. до 22% в 2020 г.)¹⁵.

Наглядным свидетельством может служить приговор в отношении З., который 23 августа 2015 г. в дневное время, будучи в состоянии опьянения, путем разбития стекла похитил с витрины магазина три упаковки туалетной бумаги стоимостью 197 руб., не обращая внимания на сделанное ему замечание проходящим мимо гр-м М. За совершенное преступление З. был осужден по ч. 2 ст. 161 Уголовного кодекса Российской Федерации к 2 годам 5 месяцам лишения свободы.

¹⁵ Гаврилов Б.Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 98–102; Его же. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2. С. 19–26.

При этом расследование и судебное разбирательство по данному делу осуществлялись почти 5 месяцев, в течение которых обвиняемый содержался под стражей. По делу проведена судебно-товароведческая экспертиза по оценке похищенного. Содержание приговора изложено на 14 страницах¹⁶. По самой минимальной оценке на судопроизводство были затрачены денежные суммы, в тысячи раз превосходящие сумму причиненного преступлением ущерба.

Такое состояние уголовного судопроизводства профессор А.С. Александров¹⁷ оценивает как коренной порок отечественной правовой модели, предлагая отказаться от предварительного следствия с переходом на «прокурорское» дознание. С этим утверждением, возможно, следовало бы согласиться, если бы, во-первых, к этому была готова судебная система; во-вторых, в условиях России такие революционные преобразования способны только разрушить систему предварительного следствия, без которого судебная система останется «без работы». По этой же причине не получили одобрения и предложения о введении адвокатского (параллельного) расследования, к чему, по мнению Г.М. Резнича, адвокатское сообщество не готово.

В этой связи представляется возможным согласиться с позицией профессора Л.А. Воскобитовой, согласно которой решение проблем уголовного судопроизводства в современных условиях носит междисциплинарный характер, предполагает привлечение к развитию уголовно-процессуальной науки достижений смежных наук, а также переход от аналитико-критического анализа к мето-

¹⁶ Приговор Богородицкого районного суда Тульской области от 18 января 2016 г. № 1-1/2016 1-124/2015 по делу № 1-1/2016. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 07.09.2021).

¹⁷ Александров А.С. О доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 5 (5). С. 7–10.

дам проактивного прогноза и социального проектирования¹⁸.

Необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства обусловлена, как отмечено выше, тем, что эффективность в целом уголовного судопроизводства не соответствует требованиям сегодняшнего дня, что подтверждается приведенными далее в статье статистическими данными о состоянии законности и качестве расследования уголовных дел, что, в свою очередь, позволяет ставить вопрос о необходимости реформирования его основных институтов. При этом учитывается, что определяющим здесь является обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

С учетом этого и ряда факторов, приведенных в изложенных выше и иных публикациях авторов и других ученых, наша позиция заключается в широком обсуждении в научном сообществе и среди правоприменителей с последующим доведением до законодателя предложений, предусматривающих внесение изменений не только в конкретные процессуальные нормы, но пересмотр отдельных процессуальных институтов.

Эти изменения должны быть направлены:

- на пересмотр положений ст. 162 УПК РФ, предоставляющей органам предварительного следствия право продления срока предварительного следствия без его ограничения, что противоречит норме — принципу (ст. 6 УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который, исходя из содержания Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11-П, не должен превышать по уголовным делам четырех лет. Требуется пересмотр и положения о двухмесячном первоначальном сроке расследования, перешедшего в действующий процессуальный закон из УПК РСФСР 1922 г.;

- увеличение первоначального (2 месяца) срока содержания обвиняемого под стражей, в который, исходя из содержания ч. 1 и 1¹ ст. 221 УПК РФ, входят от 10 до 30 суток для утверждения прокурором обвинительного заключения по поступившему к нему уголовному делу (вместо 5 суток по УПК РФ в редакции 2001 г.) и еще 14 суток для принятия судом (судьей) соответствующего решения в порядке ч. 1 ст. 227 УПК РФ. Данное предложение учитывает и опыт государств с устоявшейся системой правосудия. Так, по УПК Италии первоначальный срок ареста составляет 6 месяцев с возможностью его сокращения судом по обращению прокурора или стороны защиты;

- принципиальный пересмотр процессуальных правил, регламентирующих институт предъявления обвинения, нормы которого на протяжении десятилетий обеспечивали реализацию права обвиняемого на защиту путем допуска защитника к участию в уголовном деле именно с момента предъявления обвинения. В этой связи следует учитывать, что с принятием указанного выше Закона № 23-ФЗ участие адвоката-защитника сегодня предусмотрено с момента проверки в отношении лица сообщения о преступлении.

Более того, анализ действующих норм УПК РФ позволяет утверждать, что фактически нивелированы различия в правовом статусе подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ), кроме этапа окончания расследования уголовного дела. Существенным аргументом за исключение института предъявления обвинения является и то, что в суд за период действия УПК РФ направлено более 5 млн уголовных дел, расследованных в форме дознания, без «классического» предъявления обвинения¹⁹.

¹⁸ Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство как социальная технология // Уголовное судопроизводство. 2021. № 2. С. 6–17.

¹⁹ Гаврилов Б.Я. Современное досудебное производство: видение ученого и практика // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика: материалы Всероссийской научно-практи-

Не предусматривали данного института и нормы Устава уголовного судопроизводства 1864 г. В большинстве государств Европы, а сегодня и ряде государств бывшего постсоветского пространства данный институт отсутствует. Следует учитывать и позицию Европейского суда по правам человека о том, что обвинение это есть обоснованное подозрение²⁰;

- замена дознания в сокращенной форме, которое как по срокам расследования, так и по объему собираемых доказательств ничем сегодня не различается с дознанием в общем порядке и даже превосходит его по количеству принимаемых дознавателем решений, протокольной формой предварительного расследования, производимого в течение 48 час. в отношении конкретного лица при его задержании с «поличным» и признании им факта совершения преступного деяния.

Данная форма расследования, по нашему мнению, не должна предусматривать процедуру возбуждения уголовного дела. Предлагается также законодательным путем ограничить перечень обязательных следственных действий допросом заподозренного в совершении преступления лица, а также потерпевшего или свидетеля (при отсутствии потерпевшего) совершенного преступления. Закон должен предусматривать обязательное задержание такого лица на срок до 48 час., в течение которых расследование должно быть завершено. При поступлении уголовного дела в суд срок задержания продлевается до 72 час., необходимых для осуществляется судебного разбирательства.

ческой конференции (г. Москва, 11 апреля 2019 г.) : сб. науч. ст. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. С. 65–73.

²⁰ Решение от 15 августа 1982 г. по делу «Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии» (жалоба № 8130/78) // Европейский суд по правам человека. Избранные решения : в 2 т. М. : Норма, 2000. Т. 1.

В числе первоочередных проблем, связанных с совершенствованием досудебного производства, авторам видится необходимым исключение из УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела, наличие которой повлекло за собой двукратное (на 1,45 млн) на протяжении последних 15 лет снижение количества возбужденных уголовных дел и увеличение за этот период на 2,3 млн (в 2015–2016 гг.) количества «отказных» материалов при фактической неизменности числа зарегистрированных сообщений о преступлениях (см. рис.)²¹.

Предложение авторов статьи и других ученых-процессуалистов об исключении из УПК РФ его ст. 146 и 148 обусловлено и требованиями Конституционного Суда РФ²², и позицией Верховного Суда РФ²³ в отношении сложившейся сегодня судебной практики в части возбуждения самостоятельного уголовного дела по факту каждого вновь выявленного в рамках расследуемого дела дополнительного эпизода преступной деятельности или выявления нового соучастника преступления, что противоречит многолетней практике расследования и правовому содержанию остающейся неизмен-

²¹ Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78). С. 74–78.

²² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 343-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <http://sudbiblioteka.ru/ks> (дата обращения: 07.09.2021).

²³ Кожокар В.В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1. С. 20–22.

Рис. Сведения о количестве зарегистрированных сообщений о преступлениях и принятых по ним решениях (за 2006, 2015, 2017, 2019–2020 гг.)

ной на протяжении уже более 60 лет норме о возбуждении уголовного дела и обуславливает отрицательное отношение к ней практиков в силу того, что следователь должен сегодня возбуждать не одно, а сотни и тысячи уголовных дел, например, по факту расследования «финансовой пирамиды», провести по ним необходимые следственные действия, предъявить обвинение, после чего соединить в одно производство.

Относительно обсуждаемой сегодня проблемы возвращения прокурору полномочий по возбуждению уголовного дела следует уточнить, что для ее разрешения достаточно лишь изменить редакцию п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, установив, что «по постановлению прокурора о направлении материалов в орган расследования для решения вопроса об уголовном преследовании следователь, дознаватель незамедлительно (в течение 24 часов) возбуждает уголовное дело за исключением случаев, препятствующих началу его производства». Такие случаи предусмотрены ч. 1 ст. 24 (п. 3, 5, 6) и ч. 1 ст. 27 УПК РФ (п. 3–6).

В качестве самостоятельного некоторыми представителями научной общественности²⁴ выдвигается требование о возвращении прокурору полномочий по согласованию обращений следователей в суд о заключении подозреваемых, обвиняемых под стражу, поскольку передача этой функции руководителю следственного органа якобы повлекла рост нарушений законности. По мнению автора, о необоснованности этих требований можно судить через приведенные статистические данные о значительном сокращении с передачей этих полномочий от прокурора руководителю следственного органа числа ежегодно заключаемых под стражу граждан, что отражено в таблице.

²⁴ Александров А.И. Выступление на круглом столе в Совете Федерации 19 ноября 2020 г. «Проблемы законодательного регулирования правового положения прокурора и адвоката в уголовном процессе». URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/?date=19.11.2020> (дата обращения: 12.09.2021).

Таблица

Сведения о числе заключенных под стражу подозреваемых, обвиняемых по ходатайствам следователя, дознавателя (за 2005–2008 гг., 2016–2020 гг.)

	2005	2007	2008	2016	2019	2020
След. прокуратуры	52 026	0	0	0	0	0
След. при прокуратуре	0	39 586	36 112	0	0	0
След. СК РФ	0	0	0	23 613	19 409	18 938
След. ОВД	14 174	128 709	122 671	75 422	60 118	53 185
Дознават. ОВД	28 889	21 666	16 922	6 796	4 902	4 043

Кроме того, в числе аргументов за возвращение прокурору полномочий по процессуальному руководству следователями (для объективности следует указать, что Генеральный прокурор РФ И.В. Краснов заявил о достаточности этих прав для обеспечения должного уровня надзора за следствием) представители научной общественности нередко выдвигают тезис о том, что следователи как органов внутренних дел, так и Следственного комитета РФ нередко игнорируют требования прокуроров, заявленные в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия.

Однако, по данным Генеральной прокуратуры РФ (отчет по форме № 555), в 2017–2020 гг. прокурорами в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ направлено следователям Следственного комитета РФ от 42 тыс. до 46 тыс. требований, из которых было удовлетворено 97–98% этих требований. Из выявленных прокурорами от 105 тыс. до 125 тыс. за этот же период на-

рушений федерального законодательства по уголовным делам, расследованным следователями органов внутренних дел, удовлетворено 99% требований прокуроров об их устранении. По органам дознания в системе МВД России удовлетворено более 99% таких требований.

Предложения авторов по совершенствованию современного досудебного производства не представляются столь одиозными, как могли бы показаться, без их восприятия и поддержки в целом среди ученых и практиков. Исходя из чего, задача состоит не в создании нового Уголовно-процессуального кодекса, а в разработке доктрины досудебного производства, призванной отразить произошедшие в социально-политической, экономической и правовой жизни Российского государства изменения, чему сегодня в значительной мере препятствует устоявшийся в нашем сознании стереотип незыблемости названных выше уголовно-процессуальных институтов, не позволяющих обеспечить эффективность современного уголовного судопроизводства.

Литература

1. Александров А.И. Выступление на круглом столе в Совете Федерации 19 ноября 2020 г. «Проблемы законодательного регулирования правового положения прокурора и адвоката в уголовном процессе» / А.И. Александров. URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/?date=19.11.2020> (дата обращения: 12.09.2021).
2. Александров А.С. О доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России / А.С. Александров // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 5 (5). С. 7–10.
3. Божьев В.П. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика / В.П. Божьев, Б.Я. Гаврилов // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 74–82.

4. Божьев В.П. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России / В.П. Божьев, Б.Я. Гаврилов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78). С. 74–78.
5. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство как социальная технология / Л.А. Воскобитова // Уголовное судопроизводство. 2021. № 2. С. 6–17.
6. Гаврилов Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя / Б.Я. Гаврилов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 4–14.
7. Гаврилов Б.Я. Идеология формирования современного досудебного производства / Б.Я. Гаврилов // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1. С. 22–28.
8. Гаврилов Б.Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? / Б.Я. Гаврилов // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 98–102.
9. Гаврилов Б.Я. Современное досудебное производство: видение ученого и практика / Б.Я. Гаврилов // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 11 апреля 2019 г.) : сборник научных статей. Москва : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. С. 65–73.
10. Гаврилов Б.Я. Эффективность досудебного производства / Б.Я. Гаврилов // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2. С. 19–26.
11. Головкин Л.В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания»? / Л.В. Головкин // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 3–5.
12. Кожокар В.В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ / В.В. Кожокар // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1. С. 20–22.
13. Томин В.Т. Уголовное судопроизводство: революция продолжается / В.Т. Томин. Горький : ГВШ МВД СССР, 1989. 112 с.

Уважаемые авторы!

- Обращаем ваше внимание на то, что результаты исследования, изложенные в предоставленной вами рукописи, должны быть оригинальными. Заимствованные фрагменты или утверждения должны быть оформлены с обязательным указанием автора и первоисточника. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.
- Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.
- Нельзя предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале.
- Соавторами статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.
- Если вы обнаружили существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, необходимо как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

Цифровое прочтение принципа непосредственности в уголовном судопроизводстве

Агеев Александр Николаевич,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Приволжского филиала Российского государственного университета
правосудия, старший советник юстиции,
кандидат юридических наук
ageev.a.n@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности действия принципа непосредственности в условиях применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве. Применение цифровых технологий в уголовном процессе неизбежно ограничивает действие принципа непосредственности, поэтому допустимо только на основании законодательного регулирования. В случаях неизбежного применения цифровых технологий необходимо способствовать сокращению опосредованного восприятия информации и усилить возможность непосредственного ознакомления с доказательствами.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принцип непосредственности, цифровизация права, цифровые технологии.

В злободневной научной дискуссии о проблемах цифровизации права¹ особое внимание заслуживает вопрос об отражении новых информационных, цифровых технологий в восприятии принципа непосредственности в уголовном судопроизводстве.

¹ Колоколов Н.А. Компьютер вместо судьи — арифметика вместо души // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 3–7; Его же. Еще раз об искусственном интеллекте в правосудии // Уголовное судопроизводство. 2020. № 4. С. 3–6; Его же. Искусственный интеллект в правосудии — будущее неотвратимо // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 201–212; Его же. Искусственный интеллект в правосудии // Современное право России: проблемы и перспективы : материалы V Международной научно-практической конференции (г. Москва, 3 декабря 2020 г.) : сб. науч. ст. М. : ИМЦ, 2021. С. 242–249; Поляков С.Б., Гилев И.А. Информационные технологии в судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 15–19.

Правовое регулирование принципа непосредственности в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве минимально. В соответствии с ч. 1 ст. 240 Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК РФ) «в судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу *подлежат непосредственному исследованию*, за исключением случаев, предусмотренных разделом X (Особый порядок судебного разбирательства)».

Вместе с тем в российской научной доктрине уголовного судопроизводства данный принцип раскрывается как требование представить на рассмотрение суда доступные первичные источники доказательственной информации об обстоятельствах преступления или его отсутствия и исследовать указанные источники информации в суде. Первичным источником доказательств считается не только подлинник документа или оригинальный материал —

ный объект, но и лицо, составившее документ, давшее показание, закрепленное в документе, или представившее материальный объект соответствующему уполномоченному должностному лицу. Лишь при обусловленном законом отсутствии обозначенного лица документ и материальный объект могут расцениваться как доказательства. Принцип непосредственности входит в систему фундаментальных гарантий, обеспечивающих установление в ходе судебного процесса объективных фактических обстоятельств по делу.

Принцип непосредственности пронизывает своим действием все стадии уголовного судопроизводства, иное разрушило бы единство различных процессуальных процедур. Сущность принципа непосредственности в значительной степени раскрывается конкретными действиями по установлению истины по уголовному делу, составляющими основу уголовного процесса Российской Федерации, в двух разных, но взаимозависимых его частях — досудебном и судебном производстве. К числу обязательных правил исследования доказательств в досудебном и судебном разбирательстве относится и обязанность судьи, прокурора, следователя, дознавателя изучить объективные факты, непосредственно относящиеся к подлежащим доказыванию, и привлечение к участию в досудебном и судебном разбирательстве участников уголовного судопроизводства, подтверждающих или опровергающих относящиеся к делу доказательства.

Оценка исследования всех доказательств, представленных на досудебное и судебное разбирательство, обусловлена индивидуальным восприятием дознавателей, следователей, прокуроров, судей, которые расследуют, проверяют, рассматривают или разрешают дело по существу. В силу этого даже в современную «кибернетическую эпоху», в период подавляющей цифровой революции во всех сферах общественных

отношений действие принципа непосредственности в уголовном процессе не может быть ограничено.

Однако современные цифровые особенности деятельности судебных и правоохранительных органов оказали значительное влияние на непосредственное применение принципов уголовно-процессуального права в соответствии с УПК РФ.

В целях прекращения распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) (далее — пандемия коронавируса) с весны 2020 г. федеральные государственные органы (правоохранительные органы, прокуратура, суды) массово и достаточно быстро обратились к потенциалу цифровых технологий, позволяющих осуществлять функции государственных органов, на различных интернет-платформах в дистанционном формате.

Так, Верховный Суд Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ) провел 21 апреля 2020 г. первое онлайн-заседание по делу, где стороны посредством системы видеоконференции с помощью интернет-камер подключились к залу заседания Верховного Суда РФ². 29 апреля 2020 г. на совместном заседании Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей Российской Федерации были приняты своевременные изменения в Постановление от 8 апреля 2020 г. № 821³ и в Постановление от 18 марта 2020 г. № 808⁴, в которых был

² Виртуальный процесс: Верховный Суд провел первое онлайн-заседание. URL: <https://pravo.ru/story/220874/> (дата обращения: 15.02.2021).

³ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. (с изм. от 29.04.2020) // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/press_center/news/28875/ (дата обращения: 15.02.2021).

⁴ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 18 марта 2020 г. // Официальный сайт Верховного

определен порядок осуществления правосудия судами Российской Федерации в новых условиях.

С соблюдением рекомендаций Верховного Суда РФ суды Российской Федерации в период с 18 марта по 20 апреля 2020 г. рассмотрели свыше 2 млн дел и материалов. Увеличилась востребованность электронных ресурсов судебной системы: в указанный период в суды поступили 225,2 тыс. документов в электронном виде, что в полтора раза, или на 77,3 тыс. документов, больше, чем за аналогичный период предыдущего года (с 18.03. по 20.04.2019 в суды было подано 147,9 тыс. документов в электронном виде); проведено 8 тыс. судебных заседаний с использованием систем видео-конференц-связи. Более 286 млн раз граждане воспользовались интернет-ресурсом ГАС «Правосудие», а Верховный Суд РФ отдельные категории дел рассмотрел с использованием системы веб-конференции, обеспечивающей безопасную передачу данных⁵.

В Обзоре Верховного Суда РФ по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации пандемии коронавируса, от 30 апреля 2020 г. судам даны указания по делам, требующим безотлагательного рассмотрения, использовать системы видео-конференц-связи для обеспечения личного участия и соблюдения процессуальных прав подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и других участников процесса в судебных заседаниях⁶.

Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/28814/> (дата обращения: 15.02.2021).

⁵ Работа отечественных судов в условиях пандемии // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/press_center/news/28858/ (дата обращения: 15.02.2021).

⁶ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской

Стоит признать, что использование возможностей цифровизации в России спасло от обвала общественных отношений в период пандемии коронавируса. Одновременно цифровизация обнажила проблемы сосуществования права, гражданина и государства, сохранения действующих гарантий обеспечения прав и свобод человека в цифровой период бытия.

Приходится констатировать, что при применении в уголовном судопроизводстве видео-конференц-связи с целью допроса⁷ проявляется свойственная цифровизации тенденция упрощения в реализации принципа непосредственности. И в научной полемике честно и обоснованно говорится о прямом противоречии применения видео-конференц-связи при допросе принципу непосредственности.

М.И. Клеандров справедливо утверждает, что, несмотря на удобство использования и малозатратность видео-конференц-связи, телефона в судебном процессе, использование технических средств при проведении допроса подсудимого значительно меньше, чем непосредственное участие подсудимого в процессе, способствует достижению цели установления фактических обстоятельств по делу и противоречит ст. 240 УПК РФ⁸.

Представляется оправданной отрицательная оценка учеными-правоведами перспективы принципиального пересмотра сущности российского уголовного судопроизводства в результате внедрения циф-

Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/28883/ (дата обращения: 15.02.2021).

⁷ Гринь Д.С. Правовые основы применения видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития. 2020. № 4 (146). С. 31–36.

⁸ Клеандров М.И. Цифровая экономика и проблемы механизма правосудия // Экономика. Право. Общество. 2018. № 1 (13). С. 32.

ровых технологий. Л.В. Головкин пишет, что «уголовный процесс и его участники, включая, разумеется, государственные органы, являются одними из потребителей коммерциализации достижений научно-технической революции», но такие преобразования не способны «заменить классический уголовный процесс каким-то „новым уголовным процессом“»⁹.

Принцип непосредственности в классическом смысле в условиях действия искусственных электронных технологий на глазах изменяется в угоду другому принципиальному началу — принципу процессуальной экономии, который в современных условиях становится факультативным принципом процессуальной необходимости. Возникает опасение в том, что тотальная, шальная цифровизация способна размыть существующие принципы уголовного процесса, делая их применение выборочным, а неприменение не всегда оправданным при отсутствии детального регулирования содержания и особенностей применения правовых принципов на уровне федерального закона.

Тревогу внушают восторженные отклики поклонников наблюдаемого слияния права и цифры в одну сплошную цифровизацию. От цифровизации ожидают «унификации уголовно-процессуальной формы», стирания докучливых граней правовых систем, «цифрового равенства», «избавления от всего затратного, ненужного» и, таким образом, наконец, достижения полного комфорта уголовно-процессуальных правоотношений. Складывается странное впечатление новой правовой реальности, в которой законность и обоснованность уступают место процессуальному комфорту, заслонившему собою всю правовую систему. Е.Г. Комиссарова весь

ма точно обозначает опасную тенденцию: «...идет зарождение неких „электронных“ принципов, приспособленных под „цифру“, в том числе принципа электронной непосредственности»¹⁰.

Западные исследователи — сторонники цифровой революции заявляют о скорой кончине классического права и победе повсеместного использования искусственного интеллекта в праве. Профессор Оксфордского университета Р. Сусскинд считает, что реализация доктрины онлайн-судов повлечет отказ от традиционного правосудия по незначительным делам. По его мнению, нынешний параллельный и публичный процесс в суде, предполагающий взаимные выступления и одновременное присутствие большинства участников процесса, превратится в неодновременный, то есть процесс, не предполагающий параллельного взаимодействия многих людей. Сначала, по мнению ученого, решения будут приниматься человеческим существом, потом — бесконтрольным искусственным интеллектом, при этом доступ к правосудию людей возрастает¹¹.

Цифровизация воспринимается не критично, огульно, как безусловная добродетель, облегчающая существующее состояние уголовного судопроизводства. Речь идет о цифровом правосознании, в основе которого лежит абсолютная вера в панацею цифры как способа устранения любых трудностей, упрощения и облегчения в любой общественной сфере. Наблюдается попытка внедрения в правосознание новой системы ценностей, базовых принципов, основных начал. В эту систему включается только то, что удобно, а не обязательно. И если императива нет, то нет ни правона-

¹⁰ Комиссарова Е.Г. Философия «электронной» состязательности в гражданском судопроизводстве // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 466.

¹¹ Susskind R.E. Online Courts and the Future of Justice. Oxford : Oxford University Press, 2019. P. 44–70.

рушения, ни ответственности. Есть только цифра, которую не судят.

Отрадно, что по-прежнему рядом исследователей высказывается взвешенная оценка обозначенной технической тенденции в юридическом процессе. Цифровизации по отношению к праву отводится роль формы, не бесспорной по выражению и правовому регулированию¹². Среди негативных технических проявлений А.А. Михайлов обоснованно отмечает риск «возникновения эффекта толпы» и «риск игнорирования важных для дела уникальных фактических обстоятельств», являющийся следствием модели принятия решений, свойственной искусственному интеллекту¹³.

Опасность безоговорочной цифровизации права заключается в глубоком принципиальном смещении акцентов в правовых ценностях. Если доминирующей ценностью объявлена цифровизация, то нет смысла разбираться ни в соответствии ей принципа непосредственности, ни в соотношении принципов уголовного судопроизводства как таковых, ни в особенностях существования и восприятия права в принципе. Это прямой путь к деградации не только правоотношений, но и их участников.

Все это очень напоминает революционное правосознание, на основе которого после принятия Декрета СНК РСФСР

от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» судьям надлежало выносить приговоры¹⁴. Вновь следует констатировать, что в сложные исторические периоды в поисках спасения обществу свойственно впадать в крайности. Надежда на цифровизацию аналогично выглядит как стремление найти причины трудностей в устоявшихся основах правосознания и в попытке их отрицания обратить свои чаяния к новому, всего лишь техническому инструменту. Думается, такое упование на цифровизацию можно рассматривать как своего рода правовой нигилизм и признавать не менее опасным. Поэтому необходимо, осознав проблему, остановиться на квалификации цифровизации как исключительно технического средства, применение которого в уголовном судопроизводстве детерминировано и оправдано только задачами уголовного судопроизводства. Техническое средство носит вспомогательный характер, и его использование ограничено лишь определенными случаями.

Применение цифровых технологий в уголовном процессе неизбежно ограничивает действие принципа непосредственности. Такое цифровое прочтение принципа непосредственности вступает в противоречие с целью уголовного судопроизводства и допустимо только на основании законодательного регулирования путем принятия федерального закона. В случаях неизбежного применения цифровых технологий необходимо способствовать сокращению опосредованного восприятия информации и усилить возможность непосредственного ознакомления с доказательствами.

¹² Антонович Е.К. Использование в доказывании результатов прослушивания телефонных переговоров в условиях развития информационных технологий (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и законодательства некоторых иностранных государств) // *Lex Russica*. 2019. № 7 (152). С. 160–171.

¹³ Михайлов А.А. Будущее уголовного процесса: прогностическое или реальное правосудие // *Правовые проблемы укрепления российской государственности: материалы Всероссийского форума* (г. Томск, 25–27 января 2018 г.): сб. науч. ст. / отв. ред. И.В. Чаднова; науч. ред. О.И. Андреевой, Т.В. Трубниковой. Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2018. С. 105.

¹⁴ Декрет СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» // *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства*. 1918. № 65. Ст. 710; Виницкая Ю.Л. К вопросу о понятии непосредственности в уголовном процессе // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Сер.: Право. 2016. Т. 16. № 1. С. 38.

Литература

1. Антонович Е.К. Использование в доказывании результатов прослушивания телефонных переговоров в условиях развития информационных технологий (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и законодательства некоторых иностранных государств) / Е.К. Антонович // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 7 (152). С. 160–171.
2. Виницкая Ю.Л. К вопросу о понятии непосредственности в уголовном процессе / Ю.Л. Виницкая // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 16. № 1. С. 35–43.
3. Головкин Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция / Л.В. Головкин // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
4. Гринь Д.С. Правовые основы применения видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве / Д.С. Гринь // Теория и практика общественного развития. 2020. № 4 (146). С. 31–36.
5. Клеандров М.И. Цифровая экономика и проблемы механизма правосудия / М.И. Клеандров // Экономика. Право. Общество. 2018. № 1 (13). С. 28–35.
6. Колоколов Н.А. Еще раз об искусственном интеллекте в правосудии / Н.А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. 2020. № 4. С. 3–6.
7. Колоколов Н.А. Искусственный интеллект в правосудии / Н.А. Колоколов // Современное право России: проблемы и перспективы : материалы V Международной научно-практической конференции (г. Москва, 3 декабря 2020 г.) : сборник научных статей. Москва : ИМП, 2021. С. 242–249.
8. Колоколов Н.А. Искусственный интеллект в правосудии — будущее неотвратимо / Н.А. Колоколов // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 201–212.
9. Колоколов Н.А. Компьютер вместо судьи — арифметика вместо души / Н.А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 3–7.
10. Комиссарова Е.Г. Философия «электронной» состязательности в гражданском судопроизводстве / Е.Г. Комиссарова // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 460–472.
11. Кондратьева И. Виртуальный процесс: Верховный суд провел первое онлайн-заседание / И. Кондратьева // Право.ru. 2020. 21 апреля.
12. Михайлов А.А. Будущее уголовного процесса: прогностическое или реальное правосудие / А.А. Михайлов // Правовые проблемы укрепления российской государственности : материалы Всероссийского форума (г. Томск, 25–27 января 2018 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор И.В. Чаднова ; научное редактирование О.И. Андреевой, Т.В. Трубниковой. Томск : Издательский дом Томского государственного университета, 2018. С. 102–110.
13. Поляков С.Б. Информационные технологии в судопроизводстве / С.Б. Поляков, И.А. Гилев // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 15–19.

References

1. Susskind R.E. Online Courts and the Future of Justice / R.E. Susskind. Oxford : Oxford University Press, 2019. 368 p.

Вы можете самостоятельно в режиме реального времени получать информацию о статусе статей, направленных для опубликования в ИГ «Юрист». Для этого необходимо отправить с вашего электронного адреса письмо на autor-rq@lawinfo.ru, в теме письма должна быть указана только фамилия, без имени, отчества и др. Обращаем ваше внимание, что адрес для запроса статуса статей отличается от контактного электронного адреса редакции.

Каждый автор может узнать статус только своих статей, направив запрос со своего электронного адреса.

В случае возникновения проблем с получением информации просим обращаться в редакцию по телефону: 8 (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

Межведомственный нормативный акт, регламентирующий порядок осуществления контроля по исполнению домашнего ареста и за соблюдением запретов при избрании запрета определенных действий, залога или домашнего ареста: сравнительно-правовой анализ

Овчинников Юрий Георгиевич,
профессор кафедры уголовного процесса
Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
yur147@yandex.ru

Автор характеризует Порядок осуществления контроля за нахождением подозреваемых (обвиняемых) в месте исполнения домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог. Акцентируется внимание на новшествах подзаконного нормативного акта (по сравнению с Порядком от 11.02.2016), преимущественно связанных с органами предварительного расследования. В частности, подробно анализируются общие и специальные методы контроля обозначенных мер принуждения. Рассматривается перечень материалов для направления в суд для избрания мер пресечения, время и способ уведомления как уголовно-исполнительной инспекции, так и органов расследования по отдельным положениям, процедура отказа подозреваемого от использования в отношении него технических средств контроля, а также в случае несогласия лиц, проживающих совместно с ним на законных основаниях.

Ключевые слова: меры пресечения, запрет определенных действий, залог, домашний арест, контроль, уголовно-исполнительная инспекция, органы предварительного расследования.

Меры пресечения, наиболее существенно ограничивающие конституционные права граждан, которые по общему правилу избираются по судебному решению, находятся под пристальным вниманием исследователей, занимающихся проблемами мер уголовно-процессуального принуждения. Одним из острых вопросов их реализации является четко урегулированный процессуальный механизм контроля по исполнению подозреваемым, обвиняемым этих мер.

31 августа 2020 г. между Министерством юстиции Российской Федерации и ор-

ганами исполнительной власти, имеющими следственные подразделения (Министерство внутренних дел Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации и Федеральная служба безопасности Российской Федерации), был утвержден подзаконный нормативный акт — Порядок осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определен-

ных действий, домашний арест или залог (далее — Порядок)¹.

Данный документ в целом по содержанию не нов. Он пришел на замену межведомственному нормативному акту², регулирующему порядок осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений³.

¹ Приказ Министерства юстиции Российской Федерации № 189, Министерства внутренних дел Российской Федерации № 603, Следственного комитета Российской Федерации № 87, Федеральной службы безопасности Российской Федерации № 371 от 31 августа 2020 г. «Порядок осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» // Интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.09.2020

² Приказ Министерства юстиции Российской Федерации № 26, Министерства внутренних дел Российской Федерации № 67, Следственного комитета Российской Федерации № 13, Федеральной службы безопасности Российской Федерации № 105, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков № 56 от 11 февраля 2016 г. «Порядок осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений» (утратил силу) // Интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 25.04.2016 (Утратил силу.)

³ Овчинников Ю.Г. Принят межведомственный нормативный акт, регламентирующий порядок осуществления контроля по исполнению домашнего ареста // Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (к 95-летию со дня образования Дальневосточного юридического института МВД России) : материалы Международной научно-практической конференции (г. Хабаровск, 22–23 сентября 2016 г.) : сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Андреев, М.А. Тулиглов, В.К. Твердохлебова. Хабаровск : РИО ДВЮИ

Обстоятельством данного правового явления напрямую послужило введение в апреле 2018 г.⁴ новой меры процессуального пресечения в виде запрета определенных действий, закрепленного в ст. 105¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Заметим, что количество случаев избрания домашнего ареста на территории нашего государства ежегодно увеличивается (незначительный спад произошел за последние два года). Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (далее — Судебный департамент при Верховном Суде РФ), в 2011 г. судом было удовлетворено 1 346 случаев избрания домашнего ареста на территории России, в 2012 г. — 2 714, 2013 г. — 3 086, 2014 г. — 3 333, 2015 г. — 4 676, 2016 г. — 6 056, 2017 г. — 6 442, 2018 г. — 6 329, в 2019 г. — 6 037 случаев.

Противоположная ситуация складывается в отношении залога. Подчеркнем, что до 2016 г. Судебный департамент при Верховном Суде РФ на своем сайте открыто не публиковал данные по избранию этой меры. В 2016 г. судом было удовлетворено лишь 229 случаев избрания залога на территории России, в 2017 г. — 133, в 2018 г. — 108, в 2019 г. — 77 случаев.

Верховный Суд РФ также не опубликовал данных в отношении избрания запрета определенных действий в 2018, 2019 гг., несмотря на то что новая мера появилась в апреле 2018 г.⁵

МВД России, 2016. С. 210–214 ; Его же. Порядок осуществления контроля над исполнением меры пресечения в виде домашнего ареста // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 1 (64). С. 22–26.

⁴ Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // Российская газета. 2018. 20 апреля.

⁵ Форма № 1. Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2011–2019 гг. / Раздел 4. Рассмотрение представлений, ходатайств и

Не имея целью в настоящей статье рассматривать запрет определенных действий, а также детально анализировать Порядок, так как он в доминирующей части относится к уголовно-исполнительным инспекциям, автор постарался сконцентрировать свое внимание именно на *новшествах подзаконного нормативного акта, преимущественно связанных с органами предварительного расследования*, в спектре рассматриваемого вопроса.

Итак, структурно Порядок коренным образом не поменялся. Он состоит из VII разделов, 41 пункта и 22 приложений (в прежнем соответствии VII, 40 и 25).

Законодатель косвенно пошел вопреки правилу теории уголовного процесса «запрет одновременно применять более одной меры пресечения к подозреваемому, обвиняемому (далее — подозреваемый)», обозначив, что по судебному решению все запреты, перечисленные в ст. 105¹ УПК РФ, могут применяться при избрании залога (ч. 8¹ ст. 106 УПК РФ) и три запрета при избрании домашнего ареста (ч. 7, 8 ст. 107 УПК РФ). Таким образом, арсенал запретов может применяться в трех мерах процессуального принуждения. Соответственно механизм контроля за ними должен быть единым. В данной связи *расширилось название нового Порядка*. Кроме контроля за нахождением подозреваемых (обвиняемых) в месте исполнения домашнего ареста также добавился контроль за соблюдением возложенных судом запретов при таких мерах пресечения, как запрет определенных действий, домашний арест и залог (далее — меры пресечения).

Напомним, что успех реализации контроля за исполнением запретов при избрании рассматриваемых мер пресечения (далее — контроль) между уголовно-исполнительными инспекциями (далее — Инспекция) и заинтересованными органами будет

жалоб (по числу лиц) // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 01.03.2021).

эффективно реализовываться исключительно на основе принципа взаимности.

Итак, органы предварительного расследования, подготавливая материалы для направления их в суд:

1) обязаны информировать Инспекцию, в том числе *путем использования средств телефонной связи, о предстоящем судебном заседании* (п. 4). В упряденном Порядке 2016 г. не было указано, каким образом должно происходить информирование в данном случае (п. 4), хотя данный способ уведомления неоднократно употреблялся в документе (п. 19, 23, 24, 32);

2) составляя справку для Инспекции, согласно новому Порядку уже *не указывают сведения о лицах, на общение с которыми подозреваемому судом наложены запреты и (или) ограничения* (ранее указывалось в п. 5);

3) предоставляется *копия любого документа, удостоверяющего личность* подозреваемого. Ранее также речь шла об ином документе, но преимущество отдавалось копии гражданского паспорта (п. 5);

4) предоставляется справка о наличии или изъятии *любого документа, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации за пределами ее территории* (паспорт, дипломатический паспорт, служебный паспорт⁶, удостоверение личности моряка⁷). В Порядке 2016 г. речь шла в первую очередь о паспорте или ином документе, по которому граждане России осуществляют выезд и въезд в Российскую Федерацию (п. 5).

В новом Порядке закреплено *время и способ уведомления (24 час., в том числе с использованием средств телефонной связи)*, в течение

⁶ Статья 7 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (в ред. от 31.07.2020) // Российская газета. 1996. 22 августа.

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 18 августа 2008 г. № 628 «О Положении об удостоверении личности моряка, Положении о мореходной книжке, образце и описании бланка мореходной книжки» (в ред. от 10.07.2020) // Российская газета. 2008. 27 августа.

которого Инспекция обязана проинформировать органы дознания или следственные органы, в производстве которых находится уголовное дело (далее — следователь), о том, что они получили документы от последних (п. 6 Порядка 2020 г.). Ранее нормативный акт не указывал этих данных, ограничиваясь лишь формулировкой «информирует органы...» (п. 6).

Новшеством рассматриваемого документа следует признать обязанность следователя в течение 24 час. уведомить Инспекцию о следующих фактах:

1) о направлении уголовного дела прокурору с обвинительным заключением (актом, постановлением);

2) возврате прокурором уголовного дела следователю о производстве дополнительно-го расследования;

3) об изменении объема обвинения;

4) изменении квалификации;

5) для пересоставления обвинительного заключения (акта, постановления).

Кроме того, следователь должен *незамедлительно уведомить* уголовно-исполнительную инспекцию, если отменил или изменил меру пресечения (абз. 3 п. 6).

Поскольку запреты, предусмотренные ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, могут применяться в том числе при залоге и домашнем аресте, должностное лицо Инспекции при избрании данных мер, при проведении первой беседы, также разъясняет подозреваемому условия соблюдения возложенных судом запретов, а также их обязанности, права и последствия (в том числе права Инспекции), связанные с применением данных ограничений (п. 12 Порядка 2020 г.).

Следует отметить, что в новом Положении не нашло закрепление нормы, касающейся уведомления Инспекцией места работы (учебы) подозреваемого, в отношении которого возложены запреты. Подобное правило было закреплено в упраздненном Порядке, в случае применения мягкой формы изоляции домашнего ареста. Так, в частности, Инспекция направляла сообщение по месту работы (учебы), если суд разрешил на-

ходиться вне места исполнения домашнего ареста во время работы (учебы), для уведомления Инспекции о графике работы (учебы) и его увольнении (п. 15 Порядка 2016 г.).

По действующему законодательству домашний арест применяется исключительно в полной форме изоляции (т.е. всегда находится в жилом помещении) (ч. 1 ст. 107 УПК РФ). В данной связи межведомственный подзаконный нормативный акт разделяет *методы контроля* на два блока. Первый относится к запрету определенных действий и залого (что является новшеством Порядка (п. 18)), второй — исключительно к домашнему аресту (п. 19).

Анализ рассматриваемого документа показал, что между ними существуют в доминирующей части *общие методы контроля*, но имеются и *специальные*, применительно к своей группе.

Среди общих следует отметить:

1) проверка подозреваемого по месту исполнения домашнего ареста проводится в любое время (за исключением ночного — с 22:00 до 06:00 (п. 21. ст. 5 УПК РФ)) не реже двух раз в неделю.

Новеллой документа следует считать проверку при *применении технических средств контроля* — не реже одного раза в неделю. Если имеется информация о нарушении условий, то проверка реализуется незамедлительно (абз. 3 п. 18, абз. 3 п. 19).

Аналогичная процедура у запрета определенных действий и залога, если возложен запрет «выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях» (п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ) (абз. 3 п. 18, абз. 3 п. 19);

2) при условии, что на подозреваемого не возложен запрет «использование средств связи», а возложен «выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения...», то проводится *дополнительная проверка его нахождения с использованием*

средств телефонной связи (при их наличии) не реже двух раз в неделю (абз. 4 п. 18).

Схожий метод контроля и у домашнего ареста, однако по закону при этой мере не может быть возложен запрет «выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения...» (абз. 3 п. 19);

3) при возложении судом запрета «общаться с определенными лицами» (п. 3 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ) Инспекция осуществляет сбор информации (в том числе с использованием технических средств) о фактах общения между подозреваемым и лицами, указанными в судебном постановлении. Данный метод также следует признать новшеством, закрепленным в Порядке (абз. 5 п. 18, абз. 4 п. 19).

Специальный метод контроля можно отнести только к запрету определенных действий и залого, поскольку остальные методы контроля являются общими к методам контроля домашнего ареста. Таковым является сбор информации, в том числе с помощью технических средств контроля, в отношении подозреваемого, на которого возложен запрет «находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них» (п. 3 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, абз. 6 п. 18 Порядка).

Ряд изменений произошел в процедуре отказа подозреваемого от использования в отношении него технических средств контроля, а также в случае несогласия лиц, проживающих совместно с ним на законных основаниях. Ранее сотрудники Инспекции письменно информировали о данном факте органы предварительного расследования

(в течение 2 час. с момента отказа, в том числе с использованием средств телефонной связи) и суд (в течение 24 час. с момента отказа). При этом не указывалось, какой документ должен составляться. По действующему Порядку составляется акт, но рекомендуемый образец в приложении не приводится (что, на наш взгляд, является недостатком). Более того, информируются только органы дознания и следственные органы (время осталось тоже), суд не уведомляется (абз. 2 п. 23).

Составленный акт в течение 24 час. может направляться с использованием средств электронной связи (абз. 3 п. 23). Ранее Порядок ограничивался лишь письменной информацией о данном факте (абз. 5 п. 23 Порядка 2016 г.).

Раздел 3 добавился новым п. 26, в котором закреплено, что в случае поступления из Инспекции уведомления о нарушении подозреваемым условий исполнения рассматриваемых мер пресечения **следователь должен рассмотреть вопрос об их изменении**. Данное положение напрямую корреспондирует с ч. 13 ст. 105¹, ч. 14 ст. 107 УПК РФ.

Таким образом, **следует констатировать**, что измененный межведомственный нормативный акт необходимо расценивать исключительно как **положительный шаг** в организаторской деятельности органов предварительного расследования и уголовно-исполнительных инспекций Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации в части процедуры осуществления контроля по исполнению домашнего ареста и за соблюдением запретов при избрании запрета определенных действий, залога или домашнего ареста.

Литература

1. Овчинников Ю.Г. Порядок осуществления контроля над исполнением меры пресечения в виде домашнего ареста / Ю.Г. Овчинников // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 1 (64). С. 22–26.
2. Овчинников Ю.Г. Принят межведомственный нормативный акт, регламентирующий порядок осуществления контроля по исполнению домашнего ареста / Ю.Г. Овчинников // Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (к 95-летию со дня образования Дальневосточного юридического института МВД России) : материалы Международной научно-практической конференции (г. Хабаровск, 22–23 сентября 2016 г.) : сборник научных статей / ответственные редакторы А.А. Андреев, М.А. Тулипович, В.К. Твердохлебова. Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2016. С. 210–214.

Участие заявителя в доказывании (на примере уголовных правонарушений против женщин)

Финк Денис Александрович,
ведущий научный сотрудник

Республиканского государственного предприятия на праве хозяйственного
ведения «Институт законодательства и правовой информации
Республики Казахстан» Министерства юстиции Республики Казахстан,
кандидат юридических наук
den_f777@mail.ru

В статье на примере уголовных правонарушений против женщин рассматривается процессуальное положение заявителя на стадии рассмотрения органами уголовного преследования информации о совершенном уголовном правонарушении. Автором отмечено, что процессуальная форма сведений, излагаемых заявителем в заявлении о совершенном уголовном правонарушении, а также процессуальные и иные последствия отказа заявителя от дачи объяснений в уголовно-процессуальном законе не предусмотрены. В связи с этим заявитель не наделяется законодателем правом на свидетельский иммунитет и необходимыми гарантиями обеспечения достоверности и допустимости излагаемых в заявлении сведений. В целях выполнения своего гражданского долга заявитель имеет право собирать и предоставлять в правоохранительные органы объекты, имеющие значение при установлении обстоятельств совершенного преступления. Однако информация, полученная гражданами самостоятельно до официального принятия органами уголовного преследования, по формальным основаниям признается судами Республики Казахстан недопустимыми доказательствами. В связи с этим в целях охраны прав пострадавших от уголовных правонарушений, правовой статус лиц, располагающих информацией, юридически значимой для раскрытия или расследования уголовного правонарушения, автором предлагается ввести в УПК Казахстана нормы, позволяющие в условиях, не терпящих отлагательства, закреплять в уголовно-процессуальном порядке информацию, поступающую от заявителя (пострадавшего, очевидца).

Ключевые слова: заявитель, семейно-бытовое насилие, женщины, пострадавшие от уголовного правонарушения, опрос, предоставление предметов и документов.

В России статистические данные свидетельствуют о том, что в 93% случаев насильственные преступления совершены в отношении женщин¹. Следует отметить, что большинство уголовных проступков в семейно-бытовой сфере совершаются в отношении женщин и в общей структуре зарегистрированных в Республике Казахстан уголовных проступков имеют устойчи-

вую тенденцию к росту: в 2015 г. — на 8,6%, в 2016 г. — на 10%, в 2017 г. — на 8,8%, в 2018 г. — на 15,9%, в 2019 г. — на 17,2%².

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (ч. 2 ст. 34) (да-

¹ Шикун И.Р. Уголовно-правовая охрана, прав и свобод потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии, от насильственных преступлений: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 156.

² Рахметов С.М. Состояние, динамика и структура семейно-бытовой преступности // Законодательство Республики Казахстан об ответственности за применение насилия в семейно-бытовой сфере и проблемы его совершенствования: монография / под общ. ред. Р.К. Сарпекова, С.М. Рахметова. Нур-Султан, 2020. С. 36.

лее — УПК Республики Казахстан)³ орган уголовного преследования обязан обеспечить доступ к правосудию только лицам, признанным потерпевшими в процессуальном порядке.

Обобщение казахстанской и российской правоприменительной практики по обеспечению доступа к правосудию женщин — жертв семейно-бытового насилия показывает низкий процент личного обращения жертв насилия в правоохранительные органы⁴. Самыми распространенными причинами этого явления можно назвать такие как личная, служебная и иная зависимость, угрозы применения насилия, увольнения с работы, силовое удержание, недоверие к правоохранительным органам, беспомощное состояние. Личному обращению женщин, являющихся трудовыми мигрантами и незаконно находящимися на территории Республики Казахстан, в правоохранительные органы препятствуют следующие обстоятельства:

1) низкое знание казахского и/или русского языка, собственных прав, а также механизмов их защиты в соответствии с законодательством Республики Казахстан;

2) опасения преследования и насилия от работодателя или от лица, который нарушает их права, выявления их нелегаль-

ного статуса и последующего выдворения из страны;

3) возможные случаи вымогательства взятки со стороны уполномоченных должностных лиц⁵.

Вышеизложенное свидетельствует о потребности разработки процессуальных форм, способствующих получению от заявителей фактических данных, подтверждающих признание их потерпевшими от совершения в их отношении уголовно наказуемых деяний.

Согласно УПК Республики Казахстан заявитель имеет право сообщать органам уголовного преследования об известном ему уголовном правонарушении следующими способами:

1) дача заявлений в устной, письменной и электронной форме (ч. 4 ст. 122, ч. 1 и 2 ст. 181 УПК Республики Казахстан);

2) предоставление предметов и документов (ч. 4 ст. 122, ст. 259 УПК Республики Казахстан).

Следует отметить, что процессуальная форма сведений, излагаемых заявителем в заявлении о совершенном уголовном правонарушении, в уголовно-процессуальном законе не урегулирована, не учтены в нем и процессуальные и иные последствия отказа заявителя от дачи объяснений⁶.

Поскольку заявителем в ряде случаев может быть человек, не являющийся ни пострадавшим, ни даже очевидцем уголовного правонарушения, необходимо отличать заявителя, фактически пострадавшего от уголовного правонарушения, от заявителя, который только располагает информацией о преступном деянии. В этой

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК (с изм. и доп., внесенными Законом от 29.06.2021 № 58-VII) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>

⁴ Обобщение по вопросам обеспечения в судебном разбирательстве прав потерпевших по делам о торговле людьми (на основе рассмотренных в 2014–2015 гг. уголовных дел) // Бюллетень Верховного Суда Республики Казахстан. 2016. № 12. С. 85–93; Соблюдение и защита прав потерпевших в уголовном процессе: тематический доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации / вступ. сл. Т.Н. Москальковой. М.: Проспект, 2020. С. 10–22, 52–59.

⁵ Трудовые мигранты в Казахстане: без статуса и прав / А. Шорманбаева, М. Ферри, Р. Лорент; дир. публ. Д. Христопулос; глав. ред. А. Бернар. FIDH, 2016. С. 28.

⁶ Амельков Н.С. Оказание квалифицированной юридической помощи заявителю в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3 (40). С. 470.

связи в протоколе о принятии устного заявления об уголовном правонарушении мы предлагаем приводить не только данные о личности заподозренного, но и сведения о пострадавшем и вручать копии протокола и самому заявителю, и человеку, действительно пострадавшему от преступных действий.

В целях закрепления в процессуальном порядке сообщаемой заявителем информации, предлагаем проводить его опрос с составлением справки об устном опросе. Данный документ может составляться и в целях процессуального оформления устной информации, сообщаемой правоохранительным органам очевидцами.

Преимущества предварительного проведения опроса просматриваются в том, что обязательная видео- или аудиофиксация допроса способствует созданию психологического барьера, не позволяющего в сложных следственных ситуациях (например, при допросе потерпевшей об изнасиловании или допросе «запуганного» свидетеля) добиться желаемого результата⁷. С учетом положений действующего УПК Республики Казахстан, с целью безотлагательности получения словесной информации об угрозе совершения или совершенном уголовном правонарушении от лиц, пострадавших от уголовно наказуемого деяния или иного лица (заявитель, очевидец), предлагается разделить эту информацию на две части: не процессуальную и процессуальную. В качестве первой можно использовать предусмотренную УПК Республики Казахстан процедуру проведения адвокатами устного опроса лица, вероятно располагающего

информацией, имеющей отношение к уголовному делу (ст. 210-1 УПК Республики Казахстан). Но при этом необходимо внести некоторые дополнения. В частности, документ об устном опросе, составляемый должностным лицом, должен в обязательном порядке содержать: 1) Ф. И. О. (при его наличии), место жительства или работы опрашиваемого лица, документ, удостоверяющий его личность; 2) мотивы дачи объяснений и отношению к пострадавшей (для заявителей и очевидца); 3) право отказаться от дачи объяснений против самого себя, супруга (супруги) и близких родственников и обязанность явиться по вызову органа уголовного преследования или суда; 4) источник осведомленности о сообщаемых или передаваемых сведениях; 5) время и место составления.

Следует пояснить, что обязанность заявителя (пострадавшего, очевидца) явиться в суд, при наличии указанных в законе оснований (ч. 1 ст. 217 УПК Республики Казахстан) может быть обусловлена необходимостью его допроса следственным судьей.

Помимо этого, в документ об устном опросе должны быть включены сведения о том, согласен ли опрошенный подтвердить данные им показания во время официального допроса. Если опрашиваемый отказывается давать показания, его необходимо допросить в назначенное следователем или дознавателем время, с аудио- или видеофиксацией полученной информации. Изменение или отказ от показаний, занесенных в протокол допроса, должны рассматриваться как правовое основание к началу расследования уголовных правонарушений, предусматривающих наказание за сообщение судебным и не следственным органам заведомо ложной информации по делу или за отказ в ее даче на допросе⁸. Подоб-

⁷ Хан А.Л. Вероятностная процедура допроса свидетеля (потерпевшего) с обязательным применением технических средств фиксации его хода и результатов // Перспективы развития правовой системы Республики Казахстан : материалы Республиканской научно-практической конференции (г. Караганда, 30 марта 2012 г.) : сб. науч. ст. Караганды : Болашақ-Баспа, 2012. С. 269.

⁸ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК (с изм. и доп., внес. Законом от 02.01.2021 № 401-VI) // Ин-

ный порядок способствует обеспечению прав пострадавшего до начала досудебного расследования (глава 23 УПК Республики Казахстан) и позволит сократить время органов уголовного преследования на собирание доказательств.

Представление в порядке ст. 241 УПК Республики Казахстан сведений доказательственного значения органу, ведущему расследование, гражданами отличается от выемки тем, что инициатива передачи материальных объектов исходит от самих граждан, а не от органов уголовного преследования⁹. Предоставление объектов, могущих иметь значение для правильного рассмотрения уголовного правонарушения, как правило, осуществляется его субъектами неожиданно для лица, ведущего расследование. Если должностному лицу неизвестно уголовное дело, по которому представляются предметы или документы, могущие иметь доказательственное значение, оно устанавливает время, место и обстоятельства обнаружения представляемого объекта, а также причины его принесения в правоохранительные органы. Составление протокола предоставления предметов и документов должно соответствовать требованиям ст. 119, 123, 199, 261 УПК Республики Казахстан¹⁰.

формационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>

⁹ Ким К.В. Совершенствование уголовно-процессуальной регламентации доказывания // Вестник Карагандинского государственного университета. Сер.: Право. 2010. № 4 (60). С. 80.

¹⁰ Ким К.В. Предоставление предметов и документов как самостоятельное следственное действие // Проблемы разработки криминологических основ уголовного права: исторический и современный аспекты: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию доктора юридических наук, профессора У.С. Жекебаева (г. Астана, 3 марта 2017 г.): сб. науч. ст. Астана, 2017. С. 116–117, 118.

Следует отметить, что Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 20 апреля 2006 г. № 4 «О некоторых вопросах оценки доказательств по уголовным делам» (далее — НПВС № 4)¹¹ признает не допустимыми и не подлежащими приобщению к материалам уголовного дела фактические данные, которые получены:

а) до официального оформления поступившей информации о совершенном преступлении в Едином реестре досудебных расследований (далее — ЕРДР);

б) в неустановленном законом порядке (проведение лицом самостоятельно аудио-записи и т.п.).

Так, по делу о сексуальных домогательствах и вымогательстве денежных средств под угрозой увольнения пострадавшая А. Белоусова (работница гардероба средней школы) записала на сотовый телефон один эпизод сексуального домогательства и попытки вымогательства денег со стороны директора школы, в которой она работала. Однако ни Следственный отдел Управления внутренних дел г. Рудного (Костанайская область, Республика Казахстан) (дважды), ни прокуратура Костанайской области не признали предоставленную пострадавшей запись допустимым доказательством и приняли решение отказать А. Белоусовой в возбуждении уголовного дела по ее обращениям за отсутствием состава преступления¹². Помимо этого, в работе Управле-

¹¹ Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 20 апреля 2006 г. № 4 «О некоторых вопросах оценки доказательств по уголовным делам» (с изм. и доп., внес. Нормативным постановлением Верховного Суда Республики Казахстан от 31.03.2017 № 3) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P06000004S_

¹² Мнения, принятые Комитетом ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин на его шестьдесят первой сессии (6–24 июля 2015 г.) по сообщению № 45/2012.

ния Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, рассматривающего дела о торговле людьми, отмечен случай оценки судебным органом документа, представленного потерпевшей, как недостаточного для подтверждения того, что продолжительность ее работы значительно превышала нормы, установленные трудовым законодательством, а условия труда потерпевшей вступали в противоречие с ее человеческим достоинством¹³.

При анализе перечисленных и других аналогичных ситуаций обращает на себя внимание противоречие положений НПВС № 4 требованиям УПК Республики Казахстан. Так, уголовно-процессуальный закон допускает проведение неотложных следственных действий до регистрации в ЕРДР в течение трехсуточного срока (ч. 4, 5, 6 ст. 179) либо с принятием мер для одновременной регистрации (ч. 2 ст. 179), либо с отсрочкой регистрации в ЕРДР (ч. 1 ст. 185). С целью приведения анализируемых положений НПВС № 4 в соответствие с нормами УПК Республики Казахстан предлагается дополнить НПВС № 4 положениями, разрешающими в отлагательных случаях проводить неотложные следственные действия до момента регистрации в ЕРДР путем включения в соответствующие постановления мотивировок об их неотложности. Допустимость же негласной аудиозаписи, полученной органами уголовного преследова-

ния в порядке предоставления гражданами предметов и документов (ст. 261 УПК Республики Казахстан), предлагается оценивать путем осмотра¹⁴ с участием двух понятых¹⁵, при необходимости — специалистов и экспертов¹⁶, изъятия образцов для сравнительного исследования, предъявления для опознания и назначения экспертиз, а также принятия по результатам их проведения решений о признании или непризнании исследованных объектов вещественными доказательствами¹⁷.

Проведенный анализ показывает, что в УПК Республики Казахстан содержатся нормы, регламентирующие процессуальный статус заявителя. Однако в целях охраны прав пострадавших от уголовных правонарушений правовой статус лиц, располагающих информацией, юридически значимой для раскрытия или расследования уголовного правонарушения, должен быть расширен путем введения в УПК Республики Казахстан процессуальных норм, позволяющих в условиях, не терпящих отлагательства, закреплять информацию, поступающую от заявителя (пострадавшего, очевидца).

С. 4. URL: https://sud.gov.kz/sites/default/files/pagefiles/anna_belousova.pdf

¹³ Доказательственные аспекты в судебных делах по торговле людьми : сб. судебных решений. Вена, 2017. С. 24. URL: https://www.unodc.org/documents/centralasia/2020/August/TIP/TIP_Case_Di-gest.pdf

¹⁴ Ахпанов А.Н., Адилов С.А., Хан А.Л. Проблемы толкования норм доказательственного права в казахстанском уголовном процессе // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 2 (60). С. 98.

¹⁵ Ким К.В. Совершенствование уголовно-процессуальной регламентации доказывания. С. 80.

¹⁶ Ким К.В. Предоставление предметов и документов как самостоятельное следственное действие. С. 117, 118.

¹⁷ Ахпанов А.Н., Адилов С.А., Хан А.Л. Указ. соч. С. 98.

Литература:

1. Амельков Н.С. Оказание квалифицированной юридической помощи заявителю в уголовном судопроизводстве / Н.С. Амельков // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3 (40). С. 469–474.
2. Ахпанов А.Н. Проблемы толкования норм доказательственного права в казахстанском уголовном процессе / А.Н. Ахпанов, С.А. Адилов, А.Л. Хан // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 2 (60). С. 93–99.

3. Ким К.В. Предоставление предметов и документов как самостоятельное следственное действие / К.В. Ким // Проблемы разработки криминологических основ уголовного права: исторический и современный аспекты : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию доктора юридических наук, профессора У.С. Жекебаева (г. Астана, 2017, 3 марта) : сборник научных статей. Астана, 2017. С. 114–118.
4. Ким К.В. Совершенствование уголовно-процессуальной регламентации доказывания / К.В. Ким // Вестник Карагандинского государственного университета. Серия: Право. 2010. № 4 (60). С. 75–82.
5. Рахметов С.М. Состояние, динамика и структура семейно-бытовой преступности / С.М. Рахметов // Законодательство Республики Казахстан об ответственности за применение насилия в семейно-бытовой сфере и проблемы его совершенствования : монография / под общей редакцией Р.К. Сарпекова, С.М. Рахметова. Нур-Султан : Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан, 2020. С. 32–40.
6. Соблюдение и защита прав потерпевших в уголовном процессе : тематический доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации / вступительное слово Т.Н. Москальковой. Москва : Проспект, 2020. 64 с.
7. Трудовые мигранты в Казахстане: без статуса и прав / А. Шорманбаева, М. Ферри, Р. Лорент ; директор публикации Д. Христопулос ; главный редактор А. Бернар. FIDH, 2016. 48 с.
8. Хан А.Л. Вероятностная процедура допроса свидетеля (потерпевшего) с обязательным применением технических средств фиксации его хода и результатов / А.Л. Хан // Перспективы развития правовой системы Республики Казахстан : материалы Республиканской научно-практической конференции (г. Караганда, 2012, 30 марта) : сборник научных статей. Караганды: Болашақ-Баспа, 2012. С. 267–270.
9. Шикула И.Р. Уголовно-правовая охрана, прав и свобод потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии, от насильственных преступлений : монография / И.Р. Шикула. Москва : Юрлитинформ, 2020. 240 с.

**Издательская группа «Юрист» начинает подписку на комплект
«Российский следователь с приложением»
на 2022 год**

Уважаемые читатели!

Предлагаем вам оформить подписку на комплект «Российский следователь с приложением». В комплект входят следующие издания:

- Вопросы ювенальной юстиции;
- Международное уголовное право и международная юстиция;
- Наркоконтроль;
- Российский следователь;
- Уголовное судопроизводство;
- Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление;
- Эксперт-криминалист.

С условиями подписки рекомендуем ознакомиться на сайте ИГ «Юрист»: www.lawinfo.ru в разделе «Подписка».

Наш адрес:

115035, г. Москва, Космодамианская набережная, д. 26/55, стр. 7.

Телефон: 8(495) 617-18-88.

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

DOI: 10.18572/2072-4411-2021-4-37-45

«Следственная деятельность» в трехмерном измерении: рецензия на одноименную монографию в трех книгах под редакцией профессора Н.А. Колоколова (М. : Юрлитинформ, 2021)

Поляков Михаил Петрович,
доктор юридических наук, профессор
polmihpet@rambler.ru

Общеизвестно, что следственная деятельность в современной России — феномен, с одной стороны, объективно данный нам всем в ощущение, с другой — явление в полном объеме практически непознанное. В этой связи совершенно неудивительно, что деятельность следственная — одна из разновидностей деятельности государственной, регулярно привлекает к себе внимание исследователей-юристов. При таких обстоятельствах появление в 2021 г. на полках книжных магазинов трилогии «Следственная деятельность» — явление по большому счету вполне закономерное. В то же время внимательное изучение коллективной монографии «Следственная деятельность» последовательно с расширениями «Anchetator», «Quo vadis?» и «Plea Bargaining» позволяет сделать вывод, что авторам данного издания удалось взглянуть на предмет исследования совершенно по-новому.

Ключевые слова: государственная власть, следственная власть, следственный аппарат, следственная деятельность, следователь, ведомственный контроль, прокурорский надзор, судебный контроль.

Среди многочисленных транспортных артерий Москвы есть Шоссе Энтузиастов. Имя это, как и само шоссе, — очень старое и невероятно советское. Тысячи москвичей и гостей столицы ежедневно слышат его краем уха, краем глаза видят на схеме метро. Лично во мне это имя вызывает особый душевный отклик, отзывается сердечным эхом космической эпохи бескорыстных первопроходцев, движимых великими идеями, «рожденных сказку сделать былью». Шоссе Энтузиастов — памятник безымянному подвигу тех, кто был символом восторженной жизненной энергии и бескорыстной устремленности. Имена энтузиастов давно канули в Лету, однако сам энтузиазм как идея, как потенциальная форма созидательного бытия и сегодня «живее всех живых». Энтузиазм

ждет своего часа, ждет грандиозных нечеловеческих задач и умопомрачительных людских амбиций. Шоссе энтузиастов есть «гимн оптимизму», символ восхитительного созидательного пути к цели в разных сферах общественной жизни.

В юридической науке среди бесчисленных именных и безымянных путей и направлений, несомненно, есть свое «Шоссе Энтузиастов», влекущее к себе неравнодушных исследователей и неутомимых организаторов. К числу искренних энтузиастов и подвижников, движущихся по этому Пути, можно смело причислить профессора Никиту Александровича Колоколова, яркого исследователя и незаурядного организатора. Он сам не стоит на месте и другим застаиваться не дает, будит и вдохновляет людей,

сплачивает их в авторские коллективы, нередко перерастающие в специфические научные сообщества, клубы пламенных исследователей злободневных проблем.

Новым результатом научного энтузиазма профессора Н.А. Колоколова является коллективный научно-просветительский труд «Следственная деятельность», воплотившийся в трех нетолстых, но очень содержательных книгах, которые своими нерусскими подзаголовками напоминают, что нам, юристам, совсем не худо быть многоязычными и уважительно относиться к матушке латыни. Эти три книги в буквальном смысле представляют проблему следственной деятельности в трехмерном измерении, разворачивают ее во всех ракурсах и аспектах.

Книга первая именуется «Anchetator». По аннотации самих авторов, здесь они пытаются дать ответ на главный вопрос: кем по сути своей является российский следователь — простым оформителем или же незаурядным исследователем? Однако это очень скромная и усеченная характеристика книги. Знакомство с содержанием позволяет убедиться в том, что здесь ставится куда более глобальная проблема — проблема поиска технологии идеальной следственной деятельности и образа совершенного следователя. И несмотря на то что авторы в большинстве своем буквально констатируют невозможность достижения «небесных канонов» следственной деятельности (и не только в России, но и в мире), сама устремленность ученых к решению именно этой глобальной проблемы легко различается на уровне сердечного зренья.

Авторы понимают, что путь к идеальному следствию лежит через болото следствия неидеального. Здесь много критики, обилие серьезных упреков и откровенных «оплеух» следственной деятельности. Эта деятельность со всеми ее деятелями из далекого и недавнего прошлого вызвана авторами на ковер, чтобы держать серьезный ответ за свои громкие провалы, за невинные жертвы. Может показаться, что здесь слишком много

критики, но эта критика во благо, как пролог к поиску идеальной модели следственной деятельности.

Две другие книги аннотированы авторами более широко. Книга вторая — «Quo vadis» — нацелена на поиск путей развития следственной деятельности, а третья — «Plea Bargaining» — задумывается над тем, а стоит ли вообще развивать следственную деятельность в привычном русле, не пора ли поменять саму концепцию этой деятельности, сделав упор на компромиссные технологии взаимодействия следователя и суда со стороны защиты?

Однако и такое широкое позиционирование основных идей не вмещает всех интересных и значимых нюансов, которые авторы затрагивают целенаправленно или случайно. Достаточно посмотреть на структуру всех трех книг, чтобы понять, что охват проблем здесь не просто широкий, он широчайший. Без преувеличения можно сказать, что перед нами своеобразная энциклопедия следственной деятельности. Именно своеобразная: монография энциклопедична по кругу вопросов, но совсем не энциклопедична по форме ответов на них, ибо не навязывает готовых и однозначных констатаций, а погружает читателя в дискуссию, подталкивает к размышлению. И тот факт, что профессор Н.А. Колоколов в своих разделах весьма часто подчеркивает, что ответ на поднятый им вопрос он дать не берется (либо намеренно умалчивает его), — это как раз и есть своеобразие эвристического жанра проекта, его изюминка. Тем самым заинтересованный читатель ненавязчиво приглашается в члены клуба пламенных исследователей. Кто-то может упрекнуть научный труд за то, что здесь больше вопросов, чем ответов. Но, на мой взгляд, именно этим он и ценен. Ведь разработки, представленные в трех книгах, — это не финиш, а «путевые заметки» по дороге к цели.

Мне очень интересен этот коллективный научный опыт в первую очередь как реестр

актуальных (вечных и современных) проблем предварительного расследования, проблем, о которых знают все и о которых догадывались немногие. И интерес мой живой и искренний. Признаюсь, этот трехтомник я очень хотел получить в свою библиотеку. Не просто хотел — мечтал. Однако в силу технических причин его не удалось приобрести через сайт издательства: две попытки оказались безответными. Но, как говорится, все к лучшему. Я лишний раз убедился, что случайности неслучайны. Книги нашли меня иным путем, и теперь эта троица греет душу и своим стройным видом, и особенно дарственной надписью организатора проекта.

Однако к публичному отклику на эту триаду побудило совсем не это обстоятельство, а тот очевидный факт, что представленный труд появился очень вовремя, и не в силу политической конъюнктуры, а по велению томящейся Истины. Это не гром с небес, это долгий Путь, то самое «Шоссе Энтузиастов». Гул приближения трехтомной монографии, посвященной следственной деятельности, слышался уже давно. Он воплотился в прекрасной коллективной монографии, посвященной следственной власти¹, в серии интереснейших статей в журнале «Уголовное судопроизводство». Жаль, что не было в этом гуле моих строк. Пока я долго запрягал с подготовкой собственного взгляда на проблему, Н.А. Колоколов успешно организовал и реализовал новый этап своего замечательного проекта, еще один важнейший шаг вглубь следственной деятельности с новыми людьми и оригинальными сюжетами. И эта рецензия есть выражение моего нереализованного желания влиться в «колоколовский клуб» и отдать дань уважения

новому научному свидетельству живейшего интереса к проблеме, к искреннему энтузиазму, которого так недостает науке уголовного процесса.

Работа пропитана такой творческой энергетикой, что просто не может остаться незамеченной. Все предшествующие научные шаги можно образно представить как этап предварительного расследования проблемы следственной деятельности, а последнюю монографию — как самое настоящее судебное разбирательство, где «Следственная деятельность» выступает «подсудимым», которого обвиняют и защищают, в будущее которого верят и в то же время прочат ему уход с исторической арены. Даже по корпоративной принадлежности авторов монографии можно догадаться, что в судебном процессе над следственной деятельностью есть разные стороны.

Однако эта образность, конечно, очень условная, поскольку представленные разделы являют собой нечто большее, чем просто аргументы «за» и «против». Кроме того, следственной деятельности здесь гораздо больше достается как раз от своих, в том числе и от тех, кто этой деятельностью непосредственно занимается.

О научной команде следует высказаться особо. Подбор авторов заслуживает всяческого одобрения. И разнородность «корпоративных» сословий — не единственное достоинство книг. Особый колорит авторского коллектива обусловлен многогранным научным и жизненным опытом его участников. Здесь мы видим и мощных теоретиков, и бывалых практиков, и что, самое замечательное, эти качества нередко воплощаются в одном лице. Помимо самого Н.А. Колоколова, к числу таких многоопытных авторов можно отнести А.Р. Белкина, Б.Я. Гаврилова, С.Б. Полякова. И это не исчерпывающий список, поскольку я называю лишь тех, с кем знаком лично. Отрадно и то, что в авторском списке появляются новые имена, свидетельствующие о том, что относительная научная

¹ Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н.А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2016 ; Колоколов Н.А. Российский следователь — просвещенный инквизитор с человеческим лицом // Уголовное судопроизводство. 2018. № 3. С. 3–11 ; Лазарева В.А. Российский следователь: судья или инквизитор? // Уголовное судопроизводство. 2018. № 4. С. 6–11.

молодость — вовсе не препятствие для включения в клуб пламенных исследователей, пытающихся разгадать эту «загадочную очевидность» (метафора Н.А. Колоколова).

Несколько слов о жанре книги. Это, несомненно, научный труд. Но и просветительский тоже. Это книга не только для вузовских библиотек. Ей самое место в следственных кабинетах, рядом с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и образцами процессуальных документов. Несмотря на то что каждый автор ярок и индивидуален, можно говорить и об общей стилистике. Это не подсушенный научный язык, не ровное пресное доктринальное повествование. Этот стиль вполне укладывается в направление, которое я именую живым уголовным процессом. Оригинальность стиля книги как раз и заключается в том, что у нее нет единого стиля. Коллектив объединяет лишь проблема — следственная деятельность. Авторы окружили эту проблему плотным кольцом, они смотрят на нее с разных сторон, а порой и с разных концептуальных берегов. Смотрят, кто с любовью, кто с укором. Здесь есть и ровные научные разделы, выдержанные в стиле академической лекции (этим и хороши как раз новые участники, например, А.Ю. Зотов, раскрывающий проблему процессуальной самостоятельности следователя). Есть и живые и даже животрепещущие разделы, наполненные тонкой иронией, выраженной непосредственно в заголовке (думаю, что С.Б. Поляков с его образом лебедя, рака и щуки, спасающих следствие, здесь будет очень показательным примером).

Читателю может порой показаться, что отдельные авторы погружаются в манеру, которую можно обозначить известной поэтической строчкой «бойцы вспоминают минувший дни». Но ведь это очень хорошо, когда авторам есть что вспомнить. Более того, именно эти воспоминания и представляют подлинную научную ценность, являясь нужной ретро-эмпирикой, позволяющей осмыслить и понять современное состояние

проблемы следственной деятельности. Это живые свидетельства очевидцев практического проявления проблемы в ее историческом развитии.

Стиль монографии выигрывает и тем, что авторы нередко уже знакомы с позицией друг друга, поскольку появлению этих материалов предшествовала научная дискуссия на страницах журнала «Уголовное судопроизводство». В своих разделах, зачастую напоминающих эссе (что тоже не изъян, а благо), авторы вновь вступают между собой в заочную научную дискуссию, оценивая позиции друг друга. Тем самым читатель попадает в замечательную атмосферу, в дискуссионный клуб, где может найти сторонников и для своего мнения тоже.

Так, в первой книге профессор Н.А. Колоколов при оценке советского периода предварительного следствия придерживается нескрываемого «обвинительного уклона». Достается тут и предварительному следствию, и его теоретикам, и идеологам, которые попадают в ауру критики или иронии, как М.С. Строгович. Меня, воспитанного видным советским процессуалистом профессором В.Т. Томиным, это несколько задевает. Видимо, накрепко засела во мне формула «советское — значит отличное». Конечно же, по факту мне Н.А. Колоколову возразить нечем. Действительно, все, о чем говорится в книге, чистая правда. Но вот акценты, по моим ощущениям, расставляются явно тенденциозно.

Но, к своей радости, я в той же первой книге открываю, что в подобных оценках критики советского прошлого я не одинок. Вслед за главами Н.А. Колоколова, в которых имеются не только идеологические ремарки, но и дается объективная оценка следственной деятельности, ее глубокий многосторонний анализ, располагается замечательная глава моего однофамильца — С.Б. Полякова, который на тех же живых примерах показывает, что «тоталитарное прошлое» не было таким уж темным временем для пред-

варительного следствия и что проблемы там порой решались куда как эффективнее и гуманнее, чем в наше демократическое время. Сергей Борисович приводит немало чудесных примеров, которые так и просятся на лекции по уголовному процессу. Особенно, я думаю, курсантам и студентам будет интересна история про то, как адвокат просил приобщить к делу выписку из диплома с оценками следователя, дабы обосновать, что она не только посредственно училась, но так же низкопробно и проводит расследование.

Подобный разносторонний подход к структуре и содержанию коллективной монографии быстро восстанавливает добрый настрой читателя и душевное равновесие. Здесь любой может найти своих единомышленников и оппонентов. Впрочем, авторы во все не ставят своей задачей убаюкивать и развлекать читателя. И я вполне допускаю, что моя реакция на некоторые идеологические оценки следственной деятельности советского и постсоветского периода как раз и есть часть авторского замысла относительно чужого восприятия его заключений.

Нужно отдать должное профессору Н.А. Колоколову. Он действительно дает объективный анализ следственной деятельности, представляет ее во всех ракурсах и смыслах. И на идеологические вкрапления, на которых я «споткнулся», можно было бы и не акцентировать внимание. Вместе с тем идеологическая составляющая следственной деятельности крайне важна. И профессор Н.А. Колоколов это четко передает, подчеркивая, что «правоохранительная деятельность в целом и следственная деятельность в частности во все времена, в любом государстве имела, имеет и будет иметь яркую политическую окраску» и что «следственная деятельность — функция всегда политическая».

Вместе с тем Н.А. Колоколов ясно понимает и то, что из-под ауры идеологического подхода нужно вырываться. «Чтобы разобраться в проблеме, — пишет он, — исследователю следует максимально

освободиться от идеологии». Замечательное пожелание, но, по себе знаю, трудно выполнимое. Поэтому в своих разделах профессор Н.А. Колоколов неминуемо идеологичен и политичен. И эту позицию весьма наглядно передают цитаты, как, например, эта: «Отвержение по идеологическим соображениям концепции разделения властей полностью лишило отечественных ученых советского периода возможности правильно определить природу следственной деятельности, место и значимость ее аппарата в системе органов государственной власти».

Лично я сомневаюсь, что это соответствует действительности на все 100%, как здесь заявлено. Знакомство с советским теоретическим наследием позволяет сделать вывод, что все методологические вопросы, которые ставятся к следственной деятельности сейчас, ставились и в советские времена. О дифференциации, унификации, едином следственном аппарате говорили еще в преддверии Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. Согласен, формула «следственная власть» тогда не звучала, но это не означает, что она не изучалась по сути.

Однако, формируя эти возражения, я отдаю себе отчет в том, что и сам я в данной ситуации тоже идеологически ангажирован. Я понимаю, что все, что меня так или иначе задевает, в большинстве своем носит преимущественно идеологическую подоплеку. Я неизлечимо советский процессуалист. Поэтому мне обидно и за советское предварительное следствие, и за Михаила Соломоновича Строговича, которых, конечно же, есть за что критиковать. Но это, я подчеркиваю, моя позиция — явление по большей мере идеологическое. Это эмоции. И тут, как в старой восточной притче, правы обе тяжущихся стороны и даже тот третий, кто считает, что обе стороны одновременно быть правыми не могут.

Но все это наводит на парадоксальный вывод. От идеологии в исследовании следственной деятельности уклоняться не нуж-

но. Необходимо просто четко определиться для себя, с какой идеологической платформы мы смотрим на проблему. А проблема эта, действительно, не только политическая, но и вполне объективная. Поэтому Н.А. Колоколов ничуть не преувеличивает, когда говорит, что «институты следственной власти базируются на объективных естественных законах», и он вовсе не впадает в пафос, заявляя, что «научное совершенствование „организма“ следственной власти, ее аппарата в значительной мере определяет судьбу всего народа и государства».

Четкое идеологическое размежевание есть необходимый шаг к объективности. Но именно эти идеологические акценты, на которые мы обращаем внимание, дают важное понимание того, что появление этой коллективной монографии весьма своевременно. Она знаменует собой важную веху на «Шоссе Энтузиастов». Я полагаю, что современная наука уголовного процесса вплотную подошла к необходимости непредвзятого взгляда на идею розыска (инквизиционности). Или же, наоборот, к тому, чтобы посмотреть на эту идею с нескрываемой любовью, ничуть не стесняясь исторического и политического шлейфа, который к ней прицепился.

Пока мы в большинстве своем смотрим на идею розыска не научно, а как обычные обыватели, далекие от той культуры и того мировоззрения, в котором эта идея зарождалась и развивалась. Да, в рамках нашего изнеженного мировоззрения многие вещи видятся ужасом и зверством. Поэтому суть вещей от нас заслоняют эмоции, которыми пропитаны некоторые слова, имевшие ранее сугубо юридическое значение. К примеру, это ужасное слово «пытка». Сегодня в ней слышится и чувствуется одна лишь голая «физиология», стон невинно терзаемых жертв. Но давно пора со всей теоретической серьезностью разъяснить и студентам, и профессорам юридическую природу пытки, ее место и суть в юридическом познании в контексте

того мировоззрения и той формулы уголовного судопроизводства.

Профессор Н.А. Колоколов здесь часто вспоминает француза М. Фуко. И я благодарен Никите Александровичу за то, что через свои работы он познакомил меня с книгой этого автора «Рождение тюрьмы. Надзирать или наказывать». Но ведь М. Фуко суть и необходимость пытки в средневековом процессе объясняет замечательно и беспристрастно. Кроме того, этот философ дает столько ценной информации о понимании сути той же следственной деятельности, о величии средневекового дознания, из которого вышла вся научная методология. Все это надо тщательно осмысливать и включать в теорию следственной деятельности. Теория эта должна начинаться не со времени Устава уголовного судопроизводства Российской империи, а значительно раньше, и не в нашем Отечестве (в целом автор монографии это четко осознают).

С.Б. Поляков в своем разделе вспоминает своего милицейского начальника, который сравнивает милицию со строящимся зданием, которое вверх не растет дальше второго этажа, ибо постоянно перестраивается фундамент. Со следственной деятельностью дело обстоит еще хуже. Здесь и до фундамента руки не доходят. А фундамент перестраивать нужно, и начинать перестройку подлинной реконструкции инквизиционной идеи.

Н.А. Колоколов совершенно справедливо обращает внимание на «дефицит фундаментальных общеправовых научных знаний о сущности предварительного расследования». Так вот, следственной деятельности сегодня явно не хватает настоящей теории, в которой бы беспристрастно раскрывались ее дальнейшие инквизиционные предпосылки. Данное направление уже активно разрабатывается в работах Е.Г. Васильевой, А.Н. Конева, А.Ю. Шурова и других исследователей².

² Васильева Е.Г. Уголовный процесс : догматико-аксиологическое исследование. М., 2013 ; Конев А.Н. Идеологические основы современ-

Теория розыска должна строиться не на критическом его восприятии через призму презюмируемых преимуществ состязательности, а на его (розыска) подлинных началах. В рамках этих воззрений многие современные «очевидности» перестанут быть таковыми. В том числе и установка, что следователь вынужден выполнять три функции, которые в одном лице несовместимы. Свое достойное место займет теория поисковой технологии уголовного процесса, объясняющая несудебную сущность розыска (Е.Г. Васильева), и многие другие вещи, меняющие взгляд на функциональную природу самого следователя. И в этом новом свете поблекнет и фигура судебного следователя, которая нередко преподносится как панацея. Впрочем, монография «Следственная деятельность» на этот счет уже сейчас имеет свой разносторонний взгляд, равно как и на другие проблемы тоже.

Я непременно хочу поблагодарить коллектив и организатора проекта за грандиозность самого намерения и стремление к гармонии. Мы хорошо помним двухтомник, посвященный проблеме состязательности, «Теория уголовного процесса: состязательность»³, а также трехтомник «Уголовное судопроизводство»⁴. Организация разностороннего исследования состязательности просто обязывает Н.А. Колоколова восстановить гармонию и разобрать по полочкам идею розыска, что он с честью и научным усердием сделал в своем проекте «Следственная деятельность». Эта

монография в трех книгах, по моему убеждению, как раз и посвящена идее, соперничающей с состязательностью, речь в ней идет именно об этой розыскной (инквизиционной) идее в ее современном проблемном воплощении.

Одобрив масштабность намерений авторов и такую же широту воплощения этих намерений, я все же не могу не сделать одну критическую оговорку. Меня смущает важное, на мой взгляд, обстоятельство. В текстах Н.А. Колоколова и других авторов монографии настойчиво звучит мысль о том, что «неотвратимость наказания — это утопия». Причем именно эта идея неотвратимости, издревле формирующая установки следственных аппаратов, преподносится как причина издержек и бед следственной деятельности. Однако закономерен вопрос: что же предложить следственной деятельности и ее деятелям в качестве высокой цели, в качестве миссии, если не эту самую утопию, эту в принципе недостижимую неотвратимость уголовной ответственности? Дело в том, что в самой формуле «недостижимость неотвратимости наказания» есть подвох, когда 1% недостижимости психологически преподносится публике как невозможность реализации принципа на 100%. С точки зрения математики все верно, а с точки зрения жизни нужно делать упор на оставшиеся 99%.

Не так давно М.Д. Алешина и я опубликовали статью с весьма характерным названием «Телеологические амбиции уголовного процесса»⁵. Так вот, в этой статье мы приходим к выводу о необходимости провозглашения таких целеполагающих амбиций и не только в теории, но в тексте закона. Язык телеологических амбиций был знаком советскому уголовно-процессуальному законо-

ного уголовного судопроизводства России : монография / под науч. ред. М.П. Полякова. М., 2021 ; Шуруп А.Ю. Схема исследования идеологических основ уголовного процесса розыскного типа // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28). С. 315–318.

³ Теория уголовного процесса: состязательность : монография : в 2 ч. / под ред. Н.А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2013.

⁴ Уголовное судопроизводство : в 3 т. / под ред. Н.А. Колоколова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2020.

⁵ Поляков М.П., Алешина М.Д. Телеологические амбиции уголовного процесса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2 (54). С. 96–103.

дательству, знаком он и законодательству многих постсоветских государств. Отечественный законодатель уклоняется от амбициозной формулировки задач российского уголовного процесса, выражающих как раз идею неотвратимости ответственности виновных и недопустимости привлечения к суду невиновных.

И пусть язык телеологических амбиций формулирует всего лишь мечту о чуде. Как в свое время мой Учитель профессор В.Т. Томин дал понять, что мир долгие эпохи мечтает о том, чтобы появилось «юридическое чудо — первый в мировой истории уголовный процесс, который бы не только декларировал, но и реально обеспечивал неотвратимость ответственности»⁶.

Полагаю, что настоящая теория следственной деятельности не может обойтись без этой мечты. Перед этой теорией должна ставиться сверхзадача. Когда-то ученые и изобретатели были уверены, что искусственный объект, который тяжелее воздуха, никогда не взлетит. Но нашлись те, кто, глядя на птиц, засомневался в этом. Мне представляется, что нам нужно искренне засомневаться в том, что неотвратимость ответственности недостижима в принципе. Да и разве достижимость здесь является критерием?! Критерием является стремление мысли к этой неотвратимости. Да, тяжелые самолеты иногда падают, но даже трагедии идею, что такие громадины могут летать, не отменяют. Так и огрехи нынешней следственной деятельности, слабые кадры следственных подразделений, не отменяют идеи, допускающей способность этой деятельности достигать цели по каждому уголовному делу. Старые кадры следственных подразделений верили в это. Отсюда и известная поговорка, смысл которой, по мысли советских следователей и оперативников, заключается в том, что если неотвратимость ответственности пока недостижима, то это

не заслуга преступника, а всего лишь недоработка оперативно-следственных органов. Думаю, что и нам, теоретикам уголовного процесса, пора посмотреть на идею неотвратимости наказания не как на утопию, а как на нашу интеллектуальную недоработку.

Впрочем, упрекать в мысленной недоработке можно кого угодно, только не авторов этой глубокой и разносторонней монографии. Они не обошли вниманием даже красоту (эстетику) следственной деятельности. Для меня, исследователя обрядности, это очень важный маркер. Полагаю, что далее разбирать коллективную монографию «Следственная деятельность» нет необходимости. Ее нужно изучать не по рецензиям, а читать от корки до корки. Эту книгу без преувеличения можно назвать событием уходящего года. И я от души поздравляю все наше юридическое сообщество с выходом замечательного триптиха «Следственная деятельность», дающего объемное и яркое представление о современном бытии важнейшего направления уголовно-процессуальной и правоохранительной деятельности.

Анализируемый нами коллективный труд уже был предметом пристального внимания целого ряда ученых и практиков, есть в их ряду и ведущие процессуалисты⁷.

⁷ См., напр.: Голоскоков Л.В. Рецензия на монографию "Следственная деятельность" в трёх книгах : книга I «Anchetator», книга II «Quo vadis?», книга III «Plea Bargaining» // Уголовное судопроизводство. 2021. № 1; Орлова А.В. Философия следственной деятельности // Уголовное судопроизводство. 2020. № 4; Пономарев Н.С. Следственная деятельность — важный элемент в государственном механизме противодействия преступности // Уголовное судопроизводство. 2021. № 3; Тоштемурова Р.Ф. Рецензия на коллективную монографию «Следственная деятельность». В 3-х книгах. Под общ. научн. ред. Н.А. Колоколова. Издательство «Юрлитинформ», 2021 // Мировой судья. 2021. № 2; Химичева О.В., Прохорова Е.А. Рецензия на монографию «Следственная деятельность» (Книга I «Anchetator». Книга II «Quo vadis?» Книга III «Plea Bargaining»): монография / под ред. докт. юрид. наук Н.А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2021 // Уголовное судопроизводство. 2021. № 1.

⁶ Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991. С. 12.

Литература

1. Аппарат власти следственной / под общей редакцией Н.А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2016. 378 с.
2. Васильева Е.Г. Уголовный процесс : догматико-аксиологическое исследование : монография / Е.Г. Васильева. Москва : Юрлитинформ, 2013. 579 с.
3. Голоскоков Л.В. Рецензия на монографию "Следственная деятельность" в трех книгах : книга I «Anchetator», книга II «Quo vadis?», книга III «Plea Bargaining» / Л.В. Голоскоков // Уголовное судопроизводство. 2021. № 1. С. 45–48.
4. Колоколов Н.А. Российский следователь — просвещенный инквизитор с человеческим лицом / Н.А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. 2018. № 3. С. 3–12.
5. Конев А.Н. Идеологические основы современного уголовного судопроизводства России : монография / А.Н. Конев ; ответственный редактор М.П. Поляков. Москва : Проспект, 2021. 416 с.
6. Лазарева В.А. Российский следователь: судья или инквизитор? / В.А. Лазарева // Уголовное судопроизводство. 2018. № 4. С. 6–11.
7. Орлова А.В. Философия следственной деятельности / А.В. Орлова // Уголовное судопроизводство. 2020. № 4. С. 45–48.
8. Поляков М.П. Телеологические амбиции уголовного процесса / М.П. Поляков, М.Д. Алешина // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2 (54). С. 96–103.
9. Пономарев Н.С. Следственная деятельность — важный элемент в государственном механизме противодействия преступности / Н.С. Пономарев // Уголовное судопроизводство. 2021. № 3. С. 40–45.
10. Следственная деятельность : монография : трилогия / И.А. Андреева, А.Р. Белкин, Б.Я. Гаврилов [и др.] ; под редакцией Н.А. Колоколова. Кн. 1. Anchetator. Москва : Юрлитинформ, 2021. 227 с.
11. Следственная деятельность : монография : трилогия / И.А. Андреева, А.Р. Белкин, Б.Я. Гаврилов [и др.] ; под редакцией Н.А. Колоколова. Кн. 2. Quo vadis? Москва : Юрлитинформ, 2021. 222 с.
12. Следственная деятельность : монография : трилогия / И.А. Андреева, А.Р. Белкин, Б.Я. Гаврилов [и др.] ; под редакцией Н.А. Колоколова. Кн. 3. Plea Bargaining / А.Р. Белкин, Н.А. Колоколов, Е.В. Корчаго [и др.]. Москва : Юрлитинформ, 2021. 260 с.
13. Теория уголовного процесса: состязательность. В 2 частях : монография / под редакцией Н.А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2013.
14. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства / В.Т. Томин. Москва : Юрид. лит., 1991. 239 с.
15. Тоштемурова Р.Ф. Рецензия на коллективную монографию «Следственная деятельность». В 3-х книгах. Под общ. научн. ред. Н.А. Колоколова. Москва: Юрлитинформ, 2021 / Р.Ф. Тоштемурова // Мировой судья. 2021. № 2. С. 33–39.
16. Уголовное судопроизводство. В 3 томах / под редакцией Н.А. Колоколова. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2020.
17. Химичева О.В. Рецензия на монографию «Следственная деятельность» (Книга I «Anchetator». Книга II «Quo vadis?» Книга III «Plea Bargaining»): монография / под ред. докт. юрид. наук Н.А. Колоколова. — М.: Юрлитинформ, 2021 / О.В. Химичева, Е.А. Прохорова // Уголовное судопроизводство. 2021. № 1. С. 38–44.
18. Шуров А.Ю. Схема исследования идеологических основ уголовного процесса розыскного типа / А.Ю. Шуров // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28). С. 315–318.

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: 8 (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru

Criminal Judicial Proceeding

No. 4/2021

SCIENTIFIC-PRACTICAL
INFORMATION PUBLICATION

REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING OF COMPLIANCE WITH
THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF MASS COMMUNICATIONS AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE. Reg. Pl. № FC77-29334 of August 24, 2007.
Published quarterly since 2005.

*Recommended by the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publications
of basic results of PhD and doctor theses.*

Founder: Jurist Publishing Group

Chairman of the Editorial Board:
Kolokolov N.A., LL.D., Professor

Editorial Board:

Azarov V.A., LL.D., Professor,
Aleksandrov A.I., LL.D., Professor,
Voskobitova L.A., LL.D., Professor,
Gir'ko S.I., LL.D., Professor,
Golovko L.V., LL.D., Professor,
Gurov A.I., LL.D., Professor,
Kaplina O.V., LL.D., Professor (Ukraine),
Kovtun N.N., LL.D., Professor,
Lazareva V.A., LL.D., Professor,
Moskal'kova T.N., LL.D., Doctor of Philosophy, Professor,
Osmanov T.S., PhD (Law),
Polyakov M.P., LL.D., Professor,
Popov I.A., LL.D., Professor,
Sal'nikov V.P., LL.D., Professor,
Surkov K.V., LL.D.

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:
Grib V.V., LL.D., Professor, Corresponding Member
of the RAE, Honored Lawyer of the RF

**Deputy Editors in Chief
of Jurist Publishing Group:**

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E' N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific Editing and Proof-Reading:
Shvechkova O.A., PhD (Law)

Editorial Office:

Lapteva E.A., Solovyova D.V.
Tel./fax: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Address publishers / editors:
Bldg. 7 26/55 Kosmodamianskaya Emb.,
115035, Moscow

Editorial Subscription Centre:
(495) 617-18-88 — multichannel

Printed by National Polygraphic Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031
Tel. (4842) 70-03-37
Size 170x252. Offset printing.
Printer's sheet 3,0.
Conventional printing sheet 3,0.
Circulation 3000 copies.
ISSN 2072-4411.
Free market price.

Subscription in Russia:

Unified catalogue.
Russian press — 88528

Passed for printing: 29.10.2021.
Issue was published: 11.11.2021.

CONTENTS:

PAGES OF THE CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD

N.A. Kolokolov. Studying the Prospects
of Reclamation of Uncertified Shares from a "Good Faith"
Acquirer: On the Prejudicial Meaning of Judgments
of Criminal Courts in Civil and Arbitral Procedures..... 2

ON THE ANNIVERSARY OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

B.Ya. Gavrilov, V.A. Krymov. The Russian Criminal
Procedure Law: 20 Years in Search for a Compromise..... 9

THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: CRITICAL CONSIDERATIONS

A.N. Ageev. Digital Interpretation of the Principle
of Directness in Criminal Proceedings..... 20

PRE-TRIAL RESTRICTIONS

Yu.G. Ovchinnikov. An Inter-Departmental
Regulatory Act Governing the Procedure for Exercising
Control over House Arrest and the Observance
of Prohibitions in Case of the Selection of a Prohibition
against Certain Actions, Bail or House Arrest:
A Comparative Legal Analysis..... 26

CRIMINAL PROCEDURE IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

D.A. Fink. The Applicant's Participation in Proving
(on the Example of Criminal Offenses against Women) 31

OUR REVIEWS

M.P. Polyakov. Investigative Activities in Three
Dimensions: A Review of the Same-Name Monograph
in Three Books Edited by Professor N.A. Kolokolov
(Moscow : Yurlitinform, 2021) 37

Complete or partial reproduction of materials without written
permission of authors of the articles or the editorial office shall
be prosecuted in accordance with law.
The Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.
Authors shall not pay for publication of their articles.

Studying the Prospects of Reclamation of Uncertified Shares from a "Good Faith" Acquirer: On the Prejudicial Meaning of Judgments of Criminal Courts in Civil and Arbitral Procedures

Nikita A. Kolokolov

Head of the Department of Organization of Judicial and Prosecutor's
and Investigative Activities
of the Griboyedov Institute of International Law and Economics
LL.D.

The appearance of collisions of various kinds is caused by the dualism in law enforcement triggered by the almost autonomous existence of subsystems of general and arbitration justice. The author proposes to trace the attempts of parties to a procedure to resolve pseudo-prejudicial problems on a specific example.

Keywords: the Russian judicial system, autonomous existence of subsystems of general and arbitration justice, prejudice, quality of pre-trial investigation.

The Russian Criminal Procedure Law: 20 Years in Search for a Compromise

Boris Ya. Gavrilov

Professor of the Department of Administration of Crime Investigative Bodies
of the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
LL.D., Professor

Vitaly A. Krymov

Leading Research Scientist of the Research Center
of the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
PhD (Law)

The article, from the standpoint of theoretical views and law enforcement practice, an analysis of modern criminal procedure legislation, the conditions under which the Criminal Procedure Code of the Russian Federation was adopted and monitored, as well as measures taken by the state to improve it, is undertaken. The authors investigate the reasons for the introduction of amendments to the Code by more than 280 federal laws, including on the issues of verification of a crime report, procedural deadlines, investigation in the form of a preliminary investigation and inquiry, including its abbreviated form, and a number of others; an assessment of the application of certain legal norms and criminal procedural institutions in general in the modern realities of interaction between society and the state is given. Based on the analysis of statistical data reflecting the indicators of ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings, the opinions of representatives of the scientific community and practicing lawyers, an attempt is made to formulate the evolutionary vectors of the development of the Russian criminal procedure law.

Keywords: criminal procedure law, pre-trial proceedings, initiation of a criminal case, participants in criminal proceedings, procedural terms of investigation, presentation of charges.

Digital Interpretation of the Principle of Directness in Criminal Proceedings

Aleksandr N. Ageev

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law
of the Volga Branch of the Russian State University of Justice
Senior Counsellor of Justice, PhD (Law)

The article discusses features of action of the principle of directness in conditions of use of digital technologies in criminal proceedings. The use of digital technologies in criminal proceedings is inevitable restricts the action of principle of directness, consequently permissible only on the basis of legislative regulation. In cases of inevitable use of digital technologies necessary to contribute the reduction of mediated perception of information and to strengthen the opportunity of direct familiarization with the evidence.

Keywords: criminal proceedings, principle of directness, digitalization of law, digital technologies.

An Inter-Departmental Regulatory Act Governing the Procedure for Exercising Control over House Arrest and the Observance of Prohibitions in Case of the Selection of a Prohibition against Certain Actions, Bail or House Arrest: A Comparative Legal Analysis

Yury G. Ovchinnikov
Professor of the Department of Criminal Procedure
of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
PhD (Law), Associate Professor

The author describes the procedure for monitoring the presence of suspects (accused) in the place of execution of house arrest and for compliance with the prohibitions imposed by the court, in respect of which the prohibition of certain actions, house arrest or bail is chosen as a preventive measure. Attention is focused on the innovations of the bylaw (compared to the Order of February 11, 2016), mainly related to the preliminary investigation bodies. In particular, the general and special methods of control of the designated coercive measures are analyzed in detail. The list of materials for sending to the court for the selection of preventive measures is considered; the time and method of notifying both the criminal executive inspectorate and the investigation bodies on individual cases; the procedure for refusing to use technical means of control against a suspect, as well as in case of disagreement of persons who are legally living together with him.

Keywords: preventive measures, prohibition of certain actions, arrest, house arrest, control, criminal-executive inspection, preliminary investigation bodies.

The Applicant's Participation in Proving (on the Example of Criminal Offenses against Women)

Denis A. Fink
Leading Research Scientist of the Republican State Enterprise on the Right
of Economic Use Institute of Legislation and Legal Information of the Republic
of Kazakhstan of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan
PhD (Law)

Using the example of criminal offenses against women, the article examines the procedural situation of the applicant at the stage of consideration by the criminal prosecution authorities of information about the committed criminal offense. The author notes that the procedural form of the information presented by the applicant in the statement about the committed criminal offense, as well as the procedural and other consequences of the applicant's refusal to give explanations, are not provided for in the criminal procedure law. In this regard, the legislator does not endow the applicant with the right to witness immunity and the necessary guarantees to ensure the accuracy and admissibility of the information contained in the application. In order to fulfill his civic duty, the applicant has the right to collect and provide to law enforcement agencies objects that are important in establishing the circumstances of the crime. However, information obtained by citizens on their own prior to the official acceptance by the criminal prosecution bodies, on formal grounds, are recognized by the courts of the Republic of Kazakhstan as inadmissible evidence. In this regard, in order to protect the rights of victims of criminal offenses, the legal status of persons who have information that is legally significant for the disclosure or investigation of a criminal offense, the author proposes to introduce into the Code of Criminal Procedure of Kazakhstan the norms that allow, in conditions of urgency, to be enshrined in criminal procedurally, information received from the applicant (victim, eyewitness).

Keywords: applicant, domestic violence, women victims of a criminal offense, survey, provision of objects and documents.

Investigative Activities in Three Dimensions: A Review of the Same-Name Monograph in Three Books Edited by Professor N.A. Kolokolov (Moscow : Yurlitinform, 2021)

Mikhail P. Polyakov
LL.D., Professor

It is well known that investigative activities in modern Russia are a phenomenon that, on the one hand, we all objectively have a perception of; but on the other hand, it is practically unexplored if taken in its entirety. In this regard, it is not surprising that investigative activities as a variation of government activities regularly attract the attention of legal researchers. Under such circumstances, the appearance of the Investigative Activities trilogy on the shelves of bookstores in 2021 is quite natural. At the same time, a careful study of the Investigative Activities collective monograph in due sequence with the Anchetator, Quo Vadis? and Plea Bargaining extensions makes it possible to conclude that the authors of this publication managed to look at the research subject from a completely new perspective.

Keywords: state power, investigative power, investigative branch, investigative activities, investigator, departmental control, prosecutor's supervision, judicial control.